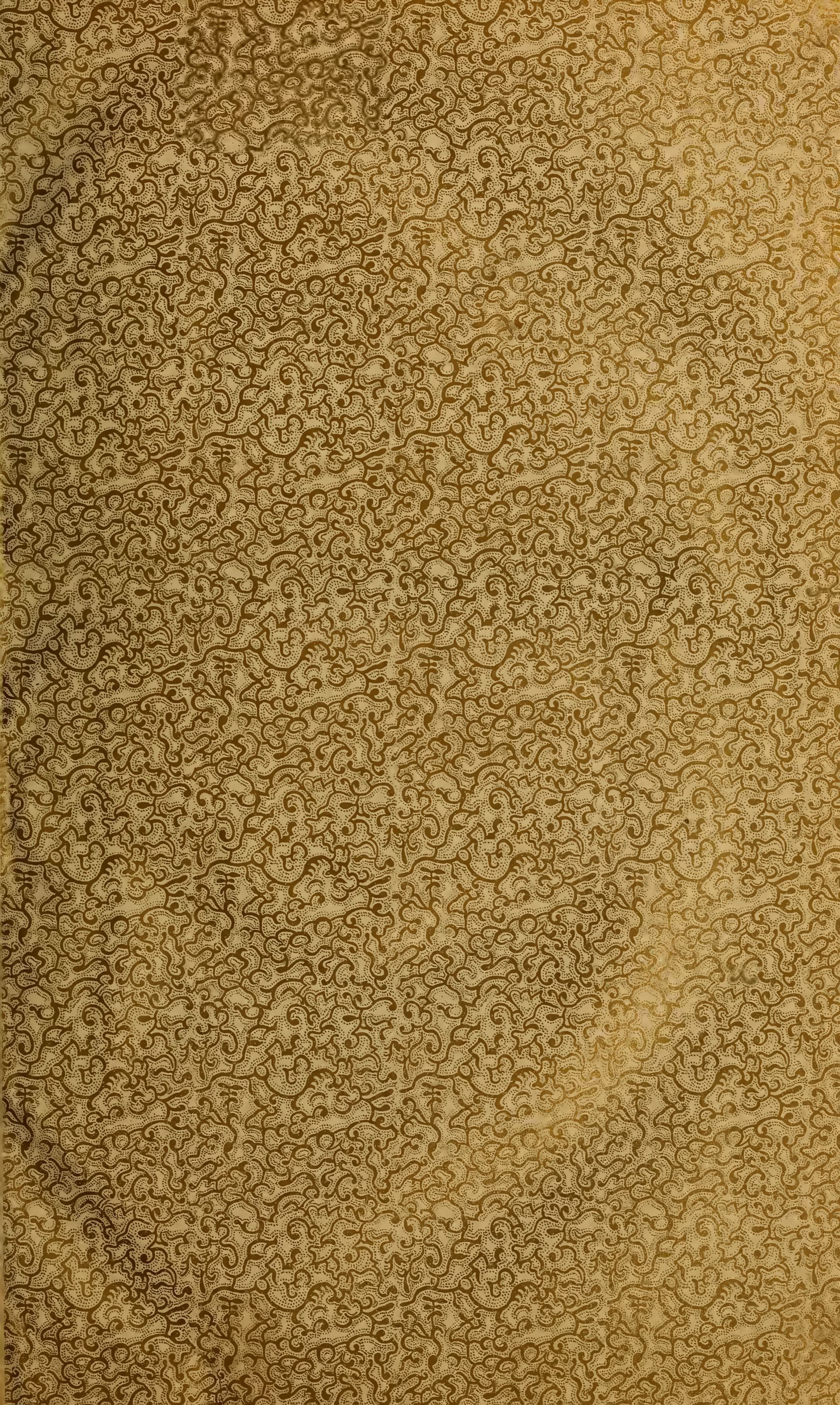

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛ ОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE:

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

БАСНИ

и

ОТГОЛОСКИ

В. НЕЗАМАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1869.

Askochenskii, Viktor Ipat'evich

Basni

БАСНИ

и

ОТГОЛОСКИ

В. НЕЗАМАЯ. [pseud.]

Сергею Онуфриевичу

от самого

Незамая

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 лин., № 12.)

1869.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

БАСНИ.

ОТГОЛОСКИ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

— Кого это вы хотите описать, — скажите откровенно.

— Помилуйте, — вы знаете лучше моего. Возможно ли какое либо лицо живьемъ перенести на бумагу? Ужь не говорю, что это былъ бы пасквиль, на что не всякій рѣшится; но вы знаете, что такая копія литературно невозможна.

— Однако же что нибудь навело васъ на эту мысль...

— Какъ мнѣ отвѣчать вамъ на вашъ вопросъ? Вы знаете, — матеріалы сказочника вездѣ — на улицѣ, въ воздухѣ, а всего больше въ его собственной душѣ; а она въ нѣкоторыя минуты получаетъ чудную силу навѣрное угадывать то, чего и не видала.

Кн. Одоевскій.

Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,
Порочные кричатъ художнику съ презрѣньемъ:
«Ты пасквиль написалъ,
Честь нашу обругалъ,
Въ картинѣ сей хотѣлъ смѣяться ты надъ нами!»
— Богъ съ вами!
Художникъ отвѣчалъ:
Я глупость и порокъ изобразить желалъ,
А васъ не трогалъ я, да я васъ и не зналъ:

Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
Когда красавцы вы душою?

Нахимовъ.

Вы боитесь глубоко-устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ быть, даже похвалите автора, скажете: «однакожь кое-что онъ ловко подмѣтилъ; должно быть веселаго нрава человѣкъ! «И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостію, обратитесь къ себѣ; самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: «а вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ не малые!» А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: «а нѣтъ ли и во мнѣ какой нибудь части Чичикова?» — Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый, онъ въ туже минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «смотри, смотри, вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!» И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиковъ, Чичиковъ, Чичиковъ!»

Гоголь.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой:

«Смотри-ка, говоритъ, кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа!
Какія у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть.»
— Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучшель на себя, кума, оборотиться?

Крыловъ.

L'amour de la veritè est plus precieux, que la verité elle-même, car il est principe du travail de la pensée, et de la pensée le travail est le principe du develepement de la pensèe.

Ancillon.

Окогченная летунья,
Эпиграма хохотунья,
Эпиграма егоза,
Трется, вьется средь народа,
И завидитъ лишь урода
Разомъ вцѣпится въ глаза.

Баратынскій.

Meine Bitterkeit kömmt nur aus den Galläpfeln meiner Dinte, und wenn Gift in mir ist, so ist es doch nur Gegengift.

Heine.

Пріятно дерзкой эпиграмой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится,
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: «это я.»

Пушкинъ.

БАСНИ.

I.

СОСѢДИ.

„Что скученъ такъ, Авдѣй Семенычъ?“
— Да что, совсѣмъ бѣда, Панкратій Капитонычъ!
Ужь эта мнѣ война!
„Тебѣ-то что она?
„Ты гречкосѣй, богатъ и домосѣдъ,
„Такъ чтожь тебѣ война, сосѣдъ?
„Земля намъ хлѣбъ родитъ, — такъ что же тутъ крушиться?“
— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что хлѣбъ-то залежится.
Куда его теперь сбывать?
„А прежде мы, позволь узнать,
Куда его сбывали?
— Да за море все отсылали. —
„Кормили, сирѣчь, тунеядцевъ,
„Разбойниковъ, христопродавцевъ!..
„А благодарность-то отъ нихъ мы видѣли какую?“
— Да нечего сказать, — плохую.

„Ну то-то жь; стало быть, и нечего тужить,
„Что хлѣбъ у насъ въ копнахъ лежитъ,
„И что его у насъ не мало:
„Мы станемъ имъ свиней кормить,
„По крайней мѣрѣ, будетъ сало.“

1853 года.

II.

СИБИРЛЕТКА.

— Послушай, Гришка, завтра чтобъ
Въ дворѣ не стало Сибирлетки!
Одно изъ двухъ: иль пулю въ лобъ,
Иль привязать ее къ бесѣдкѣ!
Терпѣнья нѣтъ! Вотъ ужь никакъ другую ночь
Чортъ знаетъ на кого тамъ лаетъ.
Чуть задремалъ, — глядишь, собачья дочь
Съ постели лаемъ поднимаетъ.
А я, ты знаешь, спать люблю,
И хоть изъ пушекъ дуй, я сплю себѣ покойно:
Но лая, лая не терплю,
За тѣмъ, что это непристойно.
„Да видно, сударь, чуетъ песъ,
„Что волки по задворью бродятъ.“
— Такъ что жь? А песъ-то что за спросъ?
Къ нему что ль псу они заходятъ?
Поймаю самъ, какъ захочу,
А лаемъ ихъ лишь распугаешь.
Вѣдь я съ волками не шучу,
Ты хорошо самъ это знаешь.

„А ну, какъ, сударь, той порой
„Они овечекъ передушатъ...“
— Не ты въ отвѣтѣ! Съ глазъ долой!
Я не хочу тебя и слушать!“

Басню эту можно бъ пояснить, —
Да ну ихъ... чтобъ не раздразнить.

1859 года.

III.

ЕРШЪ.

Вступили на Ерша съ доносомъ
Лещи, бѣлуги, судаки,
Что не за ихъ вельможнымъ спросомъ
Гуляетъ онъ среди рѣки.
— Такъ что жь такое? Проглотите, —
Имъ отвѣчаетъ рыба-китъ.
„Да проглотить-то какъ, скажите,
„Съ хвоста? — колючками грозитъ,
„А съ головы не поддается.“
— Ну, попросите что ль его!
„Да что просить? Просили, да неймется.“
— Ну, какъ тамъ знаете! А можетъ быть... того...
Забейтесь что ли глубже въ тинѣ,
Да и сидите тамъ;
А воду чистую отнынѣ
Вы предоставьте ужь ершамъ.

Понятна ль эта басня вамъ,
Мои любезнѣйшіе други,
Газетные лещи, журнальныя бѣлуги?

1862 года.

IV.

КВАРТАЛЬНЫЙ.

—Ты какъ, братъ, смѣлъ пожаръ тушить?
Кричалъ на дворника квартальный.
Твое что ль дѣло — ась? — „Да какъ же быть.
Гляжу — дымитъ.“—И пусть дымитъ; на то сигнальный!
Ему приказано давать о томъ намъ знать,
А не тебѣ, болвану!
„А можетъ быть, они изволятъ почивать.....“
—Молчать!
Я толковать
Съ тобою, дуракомъ, не стану:
Тотчасъ въ сибирку упеку.

Не разъ и мнѣ случалось на вѣку
Встрѣчать такихъ квартальныхъ:
Дымъ клубомъ, а они, валяясь на боку,
Все дожидаются сигнальныхъ.

1862 года.

V.

ВОЛКИ.

Недавно начали ходить въ народѣ толки,
Что будто бы въ какомъ-то тамъ лѣсу
Сбирались цѣлой стаей волки
Просить покорнѣйше Лису,
Чтобы она имъ просьбу написала
На неуёмнаго, злокозненнаго Пса.
— А въ чемъ вина его? сказала
Въ отвѣтъ на это имъ Лиса.
„А въ томъ, что воетъ безпрестанно,
Тогда какъ выть дозволено лишь намъ.
— Довольно странно!
Замѣтила Лиса волкамъ:
Вѣдь васъ же больше, — что жь вамъ вой
Одной
Какой нибудь собаки?
„Все такъ,
Сказали забіяки:
„А ну, какъ воемъ-то она борзыхъ еще подниметъ,

„Тогда вѣдь просто шкуру сниметъ.
— Охота вамъ себя по пустякамъ пугать!
Тѣ съ жиру завалились спать.

Ну, что бы таки къ нимъ и Псу тому пристать!..

1862 года.

VI.

БОЛЬНОЙ И ВРАЧЪ.

Томимъ горячкою тифозной,
Недвижимо лежалъ больной,
И смерть уже съ косою грозной
Стояла надъ его главой.
А врачъ, для облегченья боли,
Тихонько срѣзывалъ болящему мозоли.

Оселъ онъ, — скажетъ всякъ,
Сердясь и на врача, и на его пріемы.
Оселъ онъ, — это такъ:
Но оглянитесь-ка, быть можетъ, вамъ знакомы
Подобные ему врачи.
Къ леченью нравственной своихъ собратій боли
Они куда какъ горячи,
А срѣзываютъ лишь мозоли.

1862 года.

VII.

ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ ОСЕЛЪ.

Для нашей лѣни
Намъ нужно все наградъ, чиновъ да поощреній.

Осла водили на показъ;
Хотя ослы и не въ диковинку у насъ,
Но за осломъ толпы зѣвакъ ходили.
Ослу дивились и хвалили:
„Какія уши — молъ,
Какая выступка! Диковинный оселъ!
Какіе важные, внушающіе взгляды!
Ну, какъ не дать ему награды?“
Оселъ нашъ слышалъ всѣ похвальныя слова,
И у Осла вскружилась голова.
— Послушай, говоритъ хозяину онъ дома, —
Передо мною все солома;
А ты
Могъ дать бы мнѣ ячменю и сыты.
Мы, кажется, не даромъ подвизались

И по деревнямъ-то шатались.
Ты вспомни только, какъ я тамъ себя держалъ,
Ни разу не ревнулъ, ни разу не упалъ,
И сохранилъ сполна ослиные прiемы.
„Ну, милый мой, смѣясь, хозяинъ отвѣчалъ,
За это для тебя довольно и соломы.

1862 года.

VIII.

ВОЛЪ.

— Да ну хоть замычи!
Сказала, бѣгая вокругъ Вола, дворняжка.
А Волъ лежалъ себѣ, какъ войлокъ на печи,
Да пережевывалъ бѣдняжка.
— Не видишь что ль, какъ воры лѣзутъ смѣло
Въ хозяйскій домъ? —
Глядитъ нашъ Волъ кругомъ
И думаетъ: „а мнѣ-то что за дѣло?
„Я — волъ: меня кормить
„И воры станутъ.
„Добро хозяйское... знать такъ ему и быть,
„А сѣна моего не стянутъ.“

1862 года.

IX.

ПЕСЪ СЪ АМБИЦІЕЙ.

Сломавъ замки и всѣ запоры,
Въ дворѣ хозяйничали воры;
А жирный Песъ, отъ страха еле живъ,
На лапы морду положивъ,
Глядѣлъ, прищурясь, изъ кануры.
Ему своей жаль было шкуры,
А не хозяйскаго добра.
Но вотъ, когда съѣзжали со двора,
Съ награбленнымъ добромъ, какимъ-то тамъ злодѣемъ
Песъ былъ обозванъ дуралеемъ.
Какъ вскинется жь нашъ Песъ!
Откуда что взялось —
И лаетъ, и рычитъ, и воетъ,
И цѣпь грызетъ, и землю роетъ.
Однакоже, что сталось съ нимъ,
Съ лѣнивымъ Псомъ такимъ?
Вѣдь онъ же спалъ доселѣ.
Проснулся, — потому амбицію задѣли...

1862 года.

X.

КАПРИЗНЫЙ БОЛЬНОЙ.

— Вотъ странно, чтобы я да у него лечился!
Сердито говорилъ больной
Съ надломленной ногой, —
Вѣдь докторъ самъ хромой.
„Такъ что же, — благо, что случился
„Хоть и такой;
„Другихъ-то гдѣ же взять?“
— Гдѣ знаете! кричалъ больной нашъ грозно:
А этого я не хочу и знать!
„Да будетъ поздно!
„Нога-то страхъ взглянуть, какъ почернѣла.“
— Не ваше дѣло!
Вопилъ больной,
И кончилъ тѣмъ, что, поплатясь ногой,
На вѣки сталъ калекой.

Не нужно быть ни Брюсомъ, ни Задекой,
Чтобъ угадать, что тотъ, кто въ полынью попалъ,
И перваго, кто шестъ ему подалъ,
Прочь отъ себя съ ругательствами гонитъ, —
Навѣрно ужъ потонетъ.

1862 года.

XI.

СТОРОЖЕВОЙ.

— Да полно, братецъ мой, ты въ доску-то стучать!
Ложился бы ты спать! —
Такъ говорилъ я разъ сторожевому,
Который, сплошь всю ночь баландаясь вкругъ дому,
Безъ милосердія стучалъ.
И что жь, представьте, онъ на это отвѣчалъ?
„А лягу, говоритъ, какъ вы, сударь, проснетесь.“

Какъ глупо-то! Но вѣдь отъ этакихъ людей
Толковѣй и умнѣй
Отвѣта не дождетесь.

1862 года.

XII.

ОРАТОРЪ И ЖЕРЕБЯТА.

Въ дворѣ со всѣхъ сторонъ закрытомъ,
Табунъ былъ собранъ жеребятъ.
Всѣ говорятъ
Табунщику сердито,
Что жеребятки-то ужъ черезчуръ шалятъ.
— Да что жъ мнѣ дѣлать? Вѣдь острастки
Имъ нѣту никакой!
„Все бъ вамъ острастки! Это сказки!
Сказалъ стоявшій тутъ берейторъ молодой:
„Ручаюсь головой,
„Что я ихъ усмирю рацеею одной! —
Пошелъ нашъ краснобай къ буянамъ-жеребятамъ,
И рѣчь такую къ нимъ повелъ: „честные господа!
„Вести себя, какъ вы, прилично лишь ребятамъ.
„Вы собраны сюда,
„Какъ представители грядущихъ поколѣній:
„На васъ почіютъ, господа,
„Надежды лучшія высокихъ убѣжденій;
„Свобода мысли и труда —
„Вотъ ваша будущая доля!
„Тогда

„Брыкаться полная вамъ воля! —
— А почему же не теперь? — вскричали жеребята;
Вѣдь мы ужъ не ребята! —
И подняли такой ужасный гамъ,
Что, убоясь тревоги,
Ораторъ нашъ скорѣе къ воротамъ,
И подавай Богъ ноги.

Прости мнѣ, „дѣдушка“, что я на этотъ разъ
Припомню кой-кому разумный твой наказъ:
Оратору такому
На стѣнкѣ нужно бъ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ должно власть употребить.

1862 года.

XIII.

СЫНЪ-ЗАСТУПНИКЪ.

— Хоть ты бы пощунялъ озорника-Ванюху:
Вѣдь онъ мнѣ отпустилъ такую оплеуху,
Что и теперь въ ушахъ звенитъ. —
Пошелъ Семенъ, и такъ Ванюхѣ говоритъ:
„Ванюха!
„Какую батькѣ тамъ влѣпилъ ты оплеуху?"
„— Да вотъ какую, — тотъ сказалъ.
И старику еще пощечину онъ далъ.
„Пойдемъ домой, старикъ,
Сказалъ Семенъ, — вишь ты какой онъ озорникъ!
„Того гляди, и мнѣ чтобъ не досталось.

А что, друзья, вамъ не случалось,
Въ какихъ нибудь дѣлахъ иныхъ,
Встрѣчать заступниковъ такихъ?

1862 года.

———

XIV.

КРЕСТЬЯНЕ НА ПИРУ.

Съѣзжались мужички на постоялый дворъ,
Попировать другъ съ другомъ на прощаньи.
Пока тамъ шло честнóе пированье, —
Въ дворѣ распоряжался воръ,
И парами сводилъ лошадушекъ съ двора.
Псы заливались, а кутилы,
Что было силы,
Кричали громкое: ура.
Вотъ кончился и пиръ;
На воздухъ выползли ребята:
Что это? Наше мѣсто свято!
Лошадокъ-то и слѣдъ простылъ...

Простылъ, друзья..... Нельзя лошадокъ оставлять,
Когда вокругъ двора воръ окаянный бродитъ.
Лишь лежебоку въ умъ приходитъ
Въ такую пору пировать.

1862 года.

XV.

ОРАТОРЪ.

Иванъ кузнецъ да Мокій коновалъ
Съ работы какъ-то шли къ родительскому дому.
Глядятъ, — а воръ ужь поджигалъ
Вокругъ двора солому.
Рванулся нашъ Иванъ
Къ злодѣю.
— Стой, Мокій закричалъ. Не будь такъ, братецъ, рьянъ!
Дай я поговорю съ злодѣемъ, какъ умѣю, —
И началъ Мокій рѣчь свою:
— Послушай, другъ ты мой любезный,
Я отъ тебя не потаю,
Что дѣйствіе твое не есть душеполезно;
Со всѣми должно мирно жить,
Отринуть вредныя привычки,
Понеже оныя насъ могутъ погубить;
(А воръ досталъ ужь спички)
Сгоритъ нашъ домъ,
Мы по міру пойдемъ
И будемъ плакать слезно;
Хоть насъ-то пожалѣй, любезный!
(У вора спичка ужь горитъ,

А Мокій нашъ все говоритъ):
Оставь, прошу тебя, мой милый,
Огнемъ опасно вѣдь шутить. —
Воръ спичку подложилъ, и съ страшной силой
Солома вспыхнула. — Пойдемъ,
Сказалъ ораторъ нашъ Ивану:
Что жь дѣлать, пусть горитъ нашъ домъ;
Ты слышалъ самъ, что я внушалъ болвану,
Теперь ужь съ нимъ я говорить не стану.

Напрасный трудъ — злодѣевъ словомъ вразумлять.
Есть совѣсти, которыхъ не пронять
Ничѣмъ — ни добрымъ наставленьемъ,
Ни кроткимъ убѣжденьемъ.
Когда ужь люди такъ неисправимо злы,
То, вмѣсто словъ, имъ нужны кандалы.

1862 года.

XVI.

ВОЛКЪ-МУЗЫКАНТЪ.

— А ты за чѣмъ сюда, подлецъ?
Увидѣвъ волка межъ овецъ,
Вскричалъ пастухъ.
„Я, видишь ли, любезный другъ,
Сказалъ, совсѣмъ смѣшавшись, волкъ:
„Въ овечьихъ пѣсняхъ знаю толкъ.
„И вздумалъ ихъ собрать,
„На ноты положить, да послѣ въ свѣтъ издать."
— Вотъ что, любезный мой!
А ну-ка прежде самъ запой, —
Сказалъ пастухъ, — и хлопъ
Дубиной волка въ лобъ.

А какъ вамъ кажется, друзья,
Что басенка гласитъ моя?
Вы помните ль тѣхъ молодцовъ,
Что пѣсенки вишь собирали,
И множество пустыхъ головъ
Опаснымъ вздоромъ набивали?
Вотъ такъ и съ ними бы, не тратя даромъ словъ,
Слѣдъ поступить. Да ужь обычай нашъ таковъ,
Что мы жалѣемъ и волковъ.

1862 года.

XVII.

ПЕНЬКА.

Внутри обширнаго селенья,
На самомъ берегу рѣки,
Какъ водится, отъ небреженья
Вдругъ загорѣлся складъ пеньки.
Чѣмъ бы тушить пеньку водой, —
Вода же кстати подъ рукой, —
Владѣлецъ такъ распорядился:
Велѣлъ разбрасывать горѣвшую пеньку,
И кончилъ тѣмъ, что поплатился
Деревней цѣлою.

За дѣло дураку!
Туши пожаръ на мѣстѣ, гдѣ горитъ,
А не разбрасывай горящихъ головней
Туда, гдѣ кучами лежитъ
Дресва и щепки отъ корней!....

1862 года.

XVIII.

КУЧЕРЪ И ФОРЕЙТОРЪ.

— Что, братецъ, нѣтъ житья!
Форейторъ говорилъ брадатому Ивану:
Ты знаешь, что вѣдь я
Напрасно поджигать конюшню ужъ не стану.
Такъ вотъ поди жь ты: закури,
Примѣромъ, папиросу,
Того, братъ, и смотри,
Что *нашъ* задастъ тебѣ такого перечосу,
Что не опомнишься. — „Да, нечего сказать,
Погладивъ бороду, сказалъ Иванъ сердито:
„Придирчивъ баринъ нашъ; всегда готовъ поднять
„Шумъ изъ того, что было бъ шито-крыто,
„Когда бы онъ молчалъ.“ — Да неуступчивъ какъ!
Ты скажешь: это-молъ совсѣмъ пустое дѣло.
А онъ тебѣ въ отвѣтъ: „дуракъ!
Отъ свѣчки вѣдь Москва сгорѣла.

1862 года.

XIX.

ХОЗЯИНЪ И МЫШИ.

„Что это у тебя такое?
—Да что, не знаю, братъ, покоя
Отъ этихъ бестій, отъ мышей;
Поставилъ чучелу. — „За чѣмъ? Да ты скорѣй
„Кота хорошаго завелъ бы.
—Кота, кота... вѣдь онъ бы
Душить мышей-то сталъ!.. —
„Конечно." — Тото жь есть! А я другихъ началъ
Держусь, и чучелой таки ихъ напугалъ.
„Ну, напугалъ! Вишь какъ онѣ пищатъ въ подпольѣ!
„Съ тобой да съ чучелой, я вижу, имъ раздолье.
—Вѣдь это днемъ, а въ ночь ихъ вовсе не слыхать;
Хоть распищись онѣ, какъ завалюсь я спать.

Не знаю, какъ для васъ, а для меня, ей-ей,
Завиденъ сонъ у этакихъ людей!

1863 года.

XX.

СКОРПІОНЫ.

Въ канавѣ скверной и вонючей
Столпились скорпіоны кучей.
Былъ жаркій день,
И даже маленькая тѣнь
Была ужь Неба даромъ.
Томимые полдневнымъ жаромъ.
Три путника въ поту, въ пыли.
Къ канавѣ подошли.
Глядь — скорпіоны тамъ.
Что дѣлать бѣднякамъ?
Побить бы гадинъ, такъ напрасно:
Вѣдь всѣхъ не перебьешь, притомъ же и опасно, —
Вѣдь этотъ гадъ
Имѣетъ ядъ.
Судили путники, рядили,
И такъ промежъ собой рѣшили:
Всѣхъ гадинъ обложить кругомъ
Валежникомъ и хворостомъ:
Самимъ же отойти, да кучу и зажечь.
Гадъ не полѣзетъ въ эту печь,

А другъ на дружку прыгать станетъ,
Да всѣ себя и переранятъ.

Какъ думаете, господа, —
Вѣдь, право, иногда
Такую тактику, судя по всѣмъ законамъ,
Не худо бъ приложить и къ польскимъ скорпіонамъ.

1863 года.

XXI.

ТЯЖЕЛАЯ СЛУЖБА.

— Уфъ, братецъ, вотъ усталъ!
„Что жь, занятъ былъ?“ — Конечно, принималъ
Княгиню Марью Алексѣвну,
Татьяну Юрьевну, Пульхерію Андревну,
Трехъ генеральшъ, француженку Monà,
Да выходилъ ругнуть приходскаго попа. —
„Резонъ! А съ остальной что жь дѣлалъ ты оравой?“
— Какъ что! Да упивались славой;
Они кадили мнѣ, я имъ,
И вкупѣ мы глотали дымъ
Взаимнаго совосхваленья.
„И что жь, пріятно?“ — Безъ сомнѣнья. —
„Да для чего жь это, скажи?“
— Увидишь самъ, — поди-ка послужи.

Да, служба тяжкая! Легко ли милымъ быть,
Всѣмъ ѳиміамъ курить,
Вздоръ по заказу говорить,
И утѣшаться тѣмъ,
Что-дескать я пріятенъ всѣмъ!
А въ свѣтѣ, говорятъ, безъ этого нельзя.
Неужьли свѣтъ такъ глупъ, любезные друзья?

1863 года.

XXII.

КОЛОДА.

„Ну, поднимай, еще, еще!“
Кричалъ, подставивши плечо
Подъ толстую, дубовую колоду,
Мальчишка по осьмому году.
Но какъ ни бился онъ съ колодою своей,
Какъ ни горланилъ на дѣтей, —
Никакъ колоды не поставитъ!
Ужь онъ ее и такъ и сякъ повернетъ и поправитъ, —
Кажись бы, какъ не устоять, —
Такъ нѣтъ, — глядь, валится опять.
— Какіе вы ребята, дуралеи!
Сказалъ суровый дядя,
На ихъ затѣи
Глядя.
Вы не поставите колоды никогда,
Пока не обобьете льда
Съ той стороны, которою она
Стоять должна.
Оббейте прежде, и потомъ,
Своимъ ужь чередомъ,
Колоду становите,

А сами прочь подите,
Пожалуй, хоть въ снѣжки играть;
Колода и безъ васъ вѣкъ будетъ свой стоять.

У насъ теперь въ ходу все улучшенья;
Но вотъ что истинно достойно сожалѣнья:
Какъ примутся колоду ставить,
Никакъ не могутъ такъ управить,
Чтобы отъ самаго начала
Она сама собой стояла.

1863 года.

XXIII.

ВОЛКЪ ПОДЪ СУДОМЪ.

Попался волкъ подъ судъ; допрошенъ, уличенъ
И къ висѣлицѣ присужденъ.
Казалось, кончено ужь дѣло:
Но, къ счастію волчьему, Лиса тутъ подоспѣла;
Она жь была ему кума,
И говорили, что сама
Была тому причастна дѣлу.
И вотъ, сначала подъ рукой,
Немножко робко и несмѣло,
Она пустила слухъ такой,
Что-дескать волкъ попалъ подъ судъ случайно,
Что судьи-дураки; что слѣдовало бы ихъ
Самихъ
Кое — о чемъ пораспросить бы тайно;
Короче, обошлось Лисѣ не безъ хлопотъ,
Но дѣло приняло другой ужь оборотъ.
Судъ опустилъ въ испугѣ руки,
И волкъ былъ выпущенъ судьями на поруки,

А черезъ годъ-другой
И самъ назначенъ былъ судьей.

Нельзя довольно надивиться
Такимъ порядкамъ у звѣрей!
Ну, какъ таки на то рѣшиться,
Чтобъ такъ безсовѣстно обманывать судей?....

1863 года.

XXIV.

ОСЕЛЪ СЪ АМБИЦІЕЙ.

Въ совѣтѣ у звѣрей высокоблагородныхъ,
Львовъ, барсовъ и слоновъ дородныхъ,
На члена новаго явился какъ-то спросъ,
И кандидатомъ выбранъ песъ,
Песъ умный и служившій долго,
И на вѣку своемъ видавшій очень много.
Ну, ктобъ подумалъ, чтобъ Оселъ
При этомъ случаѣ въ амбицію вошелъ?
— Какъ? говоритъ, — между такими господами
Мнѣ надобно сидѣть; понеже я ушами
И сановитостью совсѣмъ не то что песъ.

Все такъ, голубчикъ мой, да вотъ вопросъ:
Не правда ли, — „оселъ останется осломъ,
„Хотя осыпь его звѣздами;
„Гдѣ нужно дѣйствовать умомъ,
„Онъ будетъ хлопать лишь ушами“.

1863 года.

XXV.

БЫКЪ ПОДЪ СУДОМЪ.

Сбирались волки и лисицы
Судить сердитаго быка,
За то, что онъ (какія небылицы!)
Загрызъ крота, двухъ куръ да въ полѣ русака.
Докладъ прочитанъ былъ; какъ вдругъ между судьями
Поднялся споръ:
— Нѣтъ, кумушки, не вами,
Лисицами, судимъ былъ долженъ этотъ воръ. —
„Какъ такъ? кричатъ лисицы:
Оглохли что ли вы,
Въ докладъ вошли двѣ курицы, двѣ птицы,
А не какихъ нибудь двѣ волчьи головы!“
Серьезно слушалъ Быкъ ругню лисицъ съ волками:
Наскучило ему: не тратя словъ,
Лягнулъ съ досады онъ волковъ,
Пугнулъ лисицъ рогами,
И былъ таковъ...

Конечно, быкъ неправъ былъ тутъ;

Коли попался ты подъ судъ,
То терпѣливо жди рѣшенья.
Но вѣдь и то сказать: не станетъ и терпѣпья,
Когда судьи, забывши о вопросахъ,
Несутъ турусы на колесахъ.

1863 года.

XXVI.

ОТМѢНЕННОЕ РѢШЕНІЕ.

Рѣшились какъ-то волки
Дозволить бѣдненькимъ овцамъ
Вести между собою толки
Объ уложеньи, какъ волкамъ
Гуманнѣе овцами править.
От радости они
Сбирались монументъ волкамъ за это ставить:
Но черезъ два-три дни
Шасть волкъ къ нимъ въ засѣданье.
— Ахъ, чортъ васъ побери! Такъ вотъ какіе вы!
Кричитъ онъ на собранье:
Мятежничать? Распространять молвы?
Постойте жь, не сносить своей вамъ головы! —
И вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ докладъ.
Что овцы возмущеньемъ дышутъ,
Что на волковъ они доносы только пишутъ,
И что по этому взять слѣдуетъ назадъ
Имъ данное волками разрѣшенье.
И запретить имъ впредь имѣть свое сужденье.

Докладъ былъ выслушанъ, записанъ въ протоколъ,
И судъ рѣшилъ, для избѣжанья золъ,
Впередъ однимъ волкамъ рѣшать дѣла овечьи.

У этихъ у волковъ все не по человѣчьи!

1863 года.

XXVII.

ТРУЖЕНИЦА.

— Ну, что, Егоровна, нашла себѣ мѣстечко? —
„Еще какое! Со столомъ,
И съ освѣщеніемъ, и съ теплой печкой,
Съ почетомъ, мать моя.“ — А служба въ чемъ? —
„Да какъ тебѣ сказать;
Въ день раза по три навѣщать,
Пить вмѣстѣ чай, подушку поправлять,
Да на ночь спинку растирать.“
— И только? — „Только.“ — Есть же вѣдь
Егоровна, счастливицы такія!
Кажись, услуги не большія —
Попить чайку, да спинку потереть.
А вотъ поди жь ты, гдѣ съ тобою намъ равняться? —
„Стара́ться надобно, стараться,
Такъ отъ трудовъ и будетъ плодъ.“

Какъ много есть господъ,
Которые и честь и совѣсть отдаютъ
За то, что спинку имъ потрутъ!..

1864 года.

XXVIII.

КУЗЬМА СЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Кузьма былъ некрасивъ собою:
Калмыковатъ, курносъ,
На бородѣ четырнадцать волосъ,
И носъ сидѣлъ не прямо надъ губою.
Однакоже Кузьма любилъ
По праздникамъ принаряжаться;
Пошелъ онъ на базаръ, тамъ зеркало купилъ,
И сталъ собою любоваться.
„Ну, зеркало! сердясь сказалъ онъ продавцу:
И носъ кривой, и ротъ перекосило,
И пятна по лицу;
Да это не мое, твое скорѣе рыло!“
— Эхъ, умная ты голова!
Обрѣзалъ продавецъ привязчиваго фата, —
Что рожа у тебя крива,
Не зеркало въ томъ виновато.

1864 года.

XXIX.

КОЗА.

Подъ старость Левъ Козу себѣ взялъ въ услуженье.
Бѣда бъ еще не велика;
И у Козы достаточно умѣнья,
Чтобъ успокоить старика.
Да дурно то, что Левъ Козѣ во всемъ довѣрилъ.
Кто низко кланялся Козѣ,
Кто передъ нею лицемѣрилъ,
Тому и милости, тому и блага всѣ.
Всѣ ропщутъ на Козу, всѣ на нее въ досадѣ,
И каждый ей проклятья шлетъ;
А Козонька у Льва въ оградѣ
Себѣ и ухомъ не ведетъ.

Бѣда, бѣда намъ, козы, съ вами!
Бѣда и съ этакими львами!

1864 года.

XXX.

ОРЕЛЪ, ВО́РОНЫ И СИНИЦЫ.

Летѣлъ Орелъ поверхъ навозной кучи,
И съ клектомъ онъ взвился потомъ
На встрѣчу находившей тучи,
И врѣзался въ нее могучимъ онъ крыломъ.
— Ай, братцы вы мои! Ай, милые вы други!
Вскричали во́роны въ испугѣ:
Вѣдь къ солнцу онъ никакъ съ доносомъ полетѣлъ;
Глядите, чтобы онъ намъ не надѣлалъ дѣлъ!
Пожалуй, онъ разскажетъ тамъ,
Какъ мы тишкомъ, по закромамъ,
Пшеницу ярую воруемъ
И въ голубятникахъ ночуемъ.
„И, полноте! сказали имъ
Вблизи сидѣвшія Синицы:
Такія ль, во́роны, вы птицы,
Чтобъ говорить о васъ съ самимъ
Златокудрявымъ Ѳебомъ?
Тамъ высоко, подъ синимъ небомъ,
Неощутителенъ тотъ смрадъ,
Который васъ питаетъ;

Орелъ не вашъ вѣдь братъ,
И къ солнцу онъ летаетъ,
Чтобы въ волнахъ его лучей,
Какъ въ свѣтломъ озерѣ, купаться;
А чтобъ про васъ и про грачей
Онъ съ солнцемъ сталъ бы совѣщаться, —
Не много ль будетъ чести вамъ
Вонючимъ вóронамъ и горланамъ грачамъ?
Питайтесь падалью, пока лихой стрѣлокъ
Зарядъ съ досады въ васъ не влѣпитъ,
Иль мальчуганъ въ разставленный силокъ
Когда нибудь васъ не подцѣпитъ.
Оставьте жь жалобы и мелкія нападки;
Для солнца мерзки вы, и для Орла вы гадки!"

Вотъ что, журнальные грачи и враны-птицы,
Отъ имени Орла вамъ говорятъ Синицы!

1864 года.

XXXI.

СЕМЕНЪ.

Пошелъ Семенъ по огороду;
Всѣ говорятъ: „за чѣмъ козу-то взялъ съ собой?
Коза — животное такого роду,
Что въ огородъ нельзя ей и ногой.“
А Сеня имъ въ отвѣтъ: а вамъ какое дѣло!
Мой огородъ, не вашъ!
Хочу, чтобъ зрѣло, —
И зрѣетъ; не хочу, — шабашъ!
На то я и Семенъ!“

Не правда ли, уменъ?
А слѣдовало бы у этакихъ господъ,
Какими бы они Семенами ни были,
Брать подъ надзоръ имъ данный огородъ,
Чтобы они его козами не травили.

1864 года.

XXXII.

СЛОНЪ.

Представили Слону Пса вѣрнаго къ наградѣ
За то, что онъ, не дорожа собой,
И день и ночь, и лѣтомъ и зимой
Всегда при стадѣ.
— А кто представилъ? Слонъ спросилъ.
— Да овцы, батюшка. — А имъ-то что за дѣло?
Когда бъ пастухъ о томъ меня просилъ,
Тотчасъ бы дѣло закипѣло.
Притомъ досадный этотъ Песъ
Меня всечасно безпокоитъ:
На всякій стукъ, на всякій спросъ
То лаетъ онъ, то волкомъ воетъ.
А въ слѣдствіе сего, по силѣ уложенья,
Оставить просьбишку Овецъ безъ уваженья,
А Псу сказать,
Что если чрезъ него мнѣ станутъ докучать,
То я велю съ двора его прогнать!

Эхъ, Слонъ, — скажу тебѣ словцо отъ простоты:
Не на своемъ, братъ, мѣстѣ ты!

1865 года.

XXXIII.

КОЗЕЛЪ ВЪ ОГОРОДѢ.

Замѣтилъ какъ-то разъ Козелъ на огородѣ
У домовитаго Бобра,
Что у него, благодаря погодѣ,
Прибудетъ всякаго добра.
Тотчасъ къ Слону за дозволеньемъ
Взять въ вѣдѣнье свое бобровый огородъ.
Не медлилъ Слонъ рѣшеньемъ,
И вотъ
Еще не завязался плодъ,
А у бобра на огородѣ
Шаромъ хоть покати.

Скажите намъ при всемъ честномъ народѣ,
Въ чемъ извиненіе найти
Такому глупому Слона распоряженью?
Чѣмъ оправдать его — безмысліемъ иль лѣнью?

1865 года.

XXXIV.

ПЕСЪ И ДВОРНЯ.

Сбиралась дворня въ ночь глухую
Хозяина ограбить, обокрасть,
Такъ вотъ напасть:
Хозяинъ на дворѣ держалъ собаку злую,
Да вѣдь какую, —
Не только что чужой,
Но даже свой
Не смѣй и подступить къ хозяйскому чулану.
„Помилуй, дворня говоритъ:
Заткни ты горло псу-буяну!
Добро бы на чужихъ, а то на насъ рычитъ,
А мы ли ужь тебѣ не слуги?
Мы ль не стараемся для твоего двора?
Не самъ ли ты, за разныя заслуги,
Намъ вдоволь жалуешь и злата и сребра?“ —
— Послушайте, — сказалъ хозяинъ имъ въ отвѣтъ
Вашъ ропотъ на Сѣрка напрасенъ;
Что лаетъ онъ — бѣды въ томъ нѣтъ;
Лай пса лишь для воровъ опасенъ,
А вы жь не воры, господа.
А впрочемъ, чтобы песъ и васъ не безпокоилъ,

Вы палкою его стращайте иногда". —
Отъ радости, что такъ хозяинъ все устроилъ,
Вся дворня крикнула: ура!
И вотъ, пса на ночь выгоняютъ
Съ хозяйскаго двора,
А днемъ колотятъ, бьютъ, на цѣпь его сажаютъ,
И чуть лишь вяхнетъ онъ, чуть только зарычитъ, —
Изъ дворни кто нибудь ужь съ палкою бѣжитъ.
Не слышно стало пса, и дворнѣ повольнѣе;
Она ключи къ замкамъ подобрала,
Гдѣ надобно, подкопы подвела,
И, выбравъ ночку потемнѣе,
Добро хозяйское расхитила до тла.

Басню эту пояснять напрасно:
Что говорится въ ней, то говорится ясно.

1865 года.

XXXV.

СОЛОВЕЙ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, усталый Соловей
Не сталъ ужь пѣть, а издавалъ лишь свистъ;
И вотъ въ толпѣ индеекъ и гусей
Порѣшено, что онъ — вишь юмористъ,
И свищетъ потому, что голосу не стало.
— Нимало, —
Имъ отвѣчалъ спокойно Соловей:
Но я свищу, чтобъ крикъ индеекъ и гусей
Не такъ былъ слышенъ, какъ бывало.

1866 года.

XXXVI.

ЛЕВЪ И КОЗА.

Льва стараго избрали предсѣдать
В какомъ-то тамъ совѣтѣ;
Какъ водится на свѣтѣ,
Ко Льву явились поздравлять
Слоны, Медвѣди, Волки.
Ждутъ часъ, ждутъ два, а Льва все не видать,
И звѣри стали ужь терпѣніе терять,
Пошли межь ними толки.
Но черезъ часъ предъ ихъ глаза
Предстала дикая Коза.
Поднявши къ верху рыло,
Она отъ Льва степенно выходила.
Чтожь дѣлала она у Льва?
Да у царя звѣрей болѣла голова,
Такъ соскою она его кормила.

Нравоученье вамъ? Извольте, такъ и быть:
Не слѣдуетъ козамъ львовъ соскою кормить.

1866 года.

XXXVII.

БЫКЪ И СЛОНЪ.

Понездоровилось въ одно и тоже время
Рабочему Быку и толстому Слону.
    Сталъ Быкъ просить себѣ сѣнца беремя,
        Пока-молъ отдохну.
Доложено его прошеніе совѣту;
        Какъ вскинется жь совѣтъ!
„Помилуйте, кричитъ, — у насъ и сѣна нѣту!
Беремя — шутка ли!“ — Ну, словомъ, нѣтъ и нѣтъ;
Такъ и остался Быкъ. Но въ тоже засѣданье
    Присуждено болящему Слону
        Въ день отпускать на содержанье,
        Ужь не беремя, а копну.

        Ну, какъ тутъ не сказать,
Что толстякамъ — Слонамъ пріятно и хворать?

1866 года.

XXXVIII.

ВАНЮША.

Ванюша взлѣзъ на столъ,
А вкругъ стола свои онъ куколки разставилъ,
На той обдернулъ онъ камзолъ,
На той онъ шапочку поправилъ,
И сталъ онъ наклоняться,
Чтобъ съ куколками цаловаться.
— Ванюша, упадешь!
Кричитъ ему старушка няня. —
„Анъ, врешь!
Не упаду, — смѣясь, ей отвѣчаетъ Ваня,
И съ этимъ словомъ бухъ съ стола.

Мнѣ эта басенка за тѣмъ на умъ пришла,
Дабы сказать, что если довелось
Тебѣ на столъ взобраться,
То куколки ужь брось,
И перестань ты съ ними цаловаться.

1866 года.

XXXIX.

РѢШЕНІЕ СЛОНА.

Медвѣдя сунулъ въ зубы волкъ;
Медвѣдь отвѣтилъ бы, да не хотѣлось драться.
Межъ тѣмъ промежъ звѣрей пошелъ обидный толкъ,
Что мишѣ ужъ нельзя медвѣдемъ называться,
Что мишу слѣдуетъ въ бараны произвесть.
Обидѣлся медвѣдь такимъ рѣшеньемъ,
И чтобы защитить свою медвѣжью честь,
Вступилъ къ Слону на волка онъ прошеньемъ.
Подумалъ Слонъ, и такъ рѣшилъ:
Понеже онъ, медвѣдь, чтобъ волку не поддаться,
Достаточно имѣетъ силъ;
То посему не можетъ статься,
Чтобъ волкъ медвѣдя сунулъ въ зубы.
А если бы и сунулъ, то ему бы
Не слѣдовало судъ прошеньемъ утруждать,
А волка самому, какъ должно, отвалять.

Рѣшенье хоть куда, но только для звѣрей,
А ужъ никакъ не для людей.

1866 года.

XL.

МУДРОЕ РѢШЕНІЕ.

Козелъ боднулъ овцу
Да такъ боднулъ, что та и съ жизнью распростилась;
Казалось бы, такому наглецу
Какая милость!
Такъ нѣтъ, премудрый Слонъ рѣшилъ
Перевести козла въ другое стадо,
А всѣхъ овецъ опредѣлилъ
Порѣзать. Кажется, не много бъ смѣтки надо,
Чтобъ разобрать, кто правъ, кто виноватъ;
Да сила въ томъ, что вѣдь козелъ козѣ-то братъ;
А у Слона
Она,
Какъ говорятъ,
Дѣлами всѣми правитъ,
Такъ какъ же тутъ не полукавить?

1866 года.

XLI.

МЕДВѢДЬ-ЖЕРТВОВАТЕЛЬ.

Извѣстно, что Мишукъ охотникъ до сластей,
И знаетъ толкъ въ меду, —
Но какъ-то на бѣду,
По глупости иль по робости своей,
Онъ сплоховалъ,
И по немногу
Въ свою берлогу
Пустыхъ ульевъ понатаскалъ.
Другаго бы смутила штука эта,
Но нашъ Мишукъ подумалъ и рѣшилъ:
Какъ членъ звѣринаго совѣта,
Ульи пустые онъ совѣту подарилъ,
И упросилъ звѣрей,
Въ знакъ благодарности своей,
Ему воздвигнуть мавзолей.

Я могъ бы вамъ басню эту пояснить,
Но Боже сохрани медвѣдей раздразнить!
Тотчасъ же закричатъ: не слышите ли сами,
Вѣдь онъ насъ всѣхъ зоветъ ворами?

1867 года.

XLII.

БАРАНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

„Ну, что, Максимычъ, съ чѣмъ пришелъ!“
— Съ докладомъ, батюшка. Дѣла у насъ плохоньки.
Намедни воръ лошадокъ свелъ,
А главное, — совсѣмъ замучили насъ волки.
Диви бы по одной,
А то десятками овецъ у насъ таскаютъ,
И страха надъ собой
Давно уже не знаютъ.
Челомъ мы бьемъ тебѣ:
Дай, батюшка, ты намъ Сѣрка или Полкана! —
„Вотъ вздумалъ что! Возьми себѣ
Стеречь овецъ барана!“

1866 года.

XLIII.

ОСЕЛЪ.

Оселъ лягнулъ копытомъ Льва.
— Эхъ умная ты голова!
Оселъ, какъ есть Оселъ! Туда жь еще лягаться! —
Обидѣлся Оселъ, и сталъ со Львомъ тягаться
За то, что Левъ назвалъ его осломъ.
„Такъ чтожь тебѣ обиднаго-то въ томъ?
Сказалъ Зевесъ: вѣдь ты жь оселъ?"
И вислоухій отошелъ
Съ стыдомъ отъ Зевсова суда.

Такъ иногда
Отпѣтый плутъ
Туда же съ просьбой лѣзетъ въ Судъ,
Когда его случайно обзовутъ,
Передъ честнымъ собраньемъ,
Приличной кличкой и названьемъ.

1867 года.

XLIV.

КАНАРЕЙКИ И ВОРОБЬИ.

Маркеллъ Кузмичъ охочъ ужасно былъ
Особенно до канаереекъ,
И ужь какихъ-какихъ Маркеллъ не наплодилъ!
И желтенькихъ, съ колечками вкругъ шеекъ,
И пестренькихъ, и съ хохолкомъ,
И бѣлыхъ съ сѣренькимъ зобкомъ.
Сидитъ Маркеллъ, и думаетъ разъ думу:
„За чѣмъ я ихъ все въ заперти держу?
Пойду-ка къ куму
И такъ ему скажу:
Ты возишься все съ воробьями;
Имъ скучно, думаю, однимъ,
Давай-ка ихъ соединимъ
Съ моими милыми пѣвцами.
Днемъ будемъ мы съ тобой ихъ къ воробьямъ пускать,
А на ночь ихъ ко мнѣ ты станешь отсылать.“
Кумъ согласился. День денской
Таскаютъ пѣвуновъ и лѣтомъ и зимой.
Глядитъ Маркеллъ:
„Что за пострѣлъ!

Та хохлится, а та хирѣетъ,
Иная жь заболитъ, да тутъ и околѣетъ.
А главное: случился грѣхъ такой:
Всѣ канарейки до одной
Чирикать стали воробьями.

Смыслъ этой басенки вы угадайте сами.

1867 года.

XLV.

ЛИСИЦА-СБОРЩИЦА.

Лисицу сборщицей назначилъ судъ звѣриный,
И наказалъ онъ ей
Особенно имѣть въ виду народъ куриный,
А впрочемъ не минать ни утокъ, ни гусей.
Пошла лафа Лисѣ; Лиса жирѣетъ,
И что ни годъ,
То все нора ея полнѣетъ да полнѣетъ.
Однакожь, надо и отчетъ
Представить сходу. Представляетъ,
И предъ вельможными звѣрьми
Сама его читаетъ.
„Вотъ это перушки; они
Для братіи больной на тюфячки годятся;
А это косточки; изъ нихъ,
Въ больницахъ городскихъ,
И супъ, и даже щи варятся."
— А мясо гдѣ жь? спросилъ Медвѣдь.
Сконфузилась немножечко Лисица.
„Да какъ же мясо-то мнѣ при себѣ имѣть?
Оно испортится, и въ дѣло не годится;

Такъ я его, во избѣжанье зла,
Въ мясныя лавки продала.
Вотъ вамъ и выручка, сосчитанная мною."
И сходъ, утѣшенный Лисою,
Рѣшилъ Лису, въ особенную честь,
Кромѣ того, и въ попечительши возвесть,
А подвиги ея, черезъ печать,
Для назиданія, въ потомство передать.

1867 года.

XLVI.

ЗАЩИТНИКИ ЛИСИЦЫ.

Какъ хорошо тому на бѣломъ свѣтѣ жить,
Чья бабушка или хоть тетка ворожитъ!

Попалась въ воровствѣ Лисица,
И дѣло начало уже судомъ грозиться.
Но, къ счастію, о томъ провѣдалъ какъ-то Волкъ,
А онъ съ Лисицею семь курицъ уволокъ,
Такъ какъ же не вступиться?
— Нѣтъ, говоритъ, Лисица
Такая честная, что въ чемъ нибудь дурномъ
Ее и зазрить-то нельзя; мы съ ней вдвоемъ
Дѣламъ всѣмъ опись составляли.
— А мы имъ помогали,
Мычатъ камолые Быки.
— А я бы умерла съ тоски,
Шипитъ подпольная Змѣя;
— А мнѣ она — кума, ревѣлъ Медвѣдь, и я
Ни подъ какимъ ужь видомъ
Куму мою не выдамъ. —
И Лисанька ко всѣмъ съ поклонами спѣшитъ

И всеусерднѣйше друзей благодаритъ.
— Охъ, кумушка, сказалъ ей, встрѣтившись, Сурокъ,—
Хоть съ рыльца-то сняла бы ты пушокъ;
Бѣда вѣдь, какъ замѣтятъ! —
— Куда имъ, куманёкъ!
А если бы и такъ, то сами же отвѣтятъ.

1867 года.

XLVII.

БАРСУКЪ.

По случаю чьего-то юбилея
Рѣшилъ Барсукъ картину написать,
И никакихъ издержекъ не жалѣя,
Велѣлъ рекламъ сто тысячъ разослать.
Пошла подписка по немногу;
Барсукъ, чѣмъ взяться бы за кисть,
Началъ отстраивать берлогу,
И приговаривать: „вотъ это жисть, такъ жисть!“
(Онъ, видитель, народностію дышетъ,
И какъ глаголетъ, такъ и пишетъ.)
— А что же, милый кумъ,
Когда жь возьмешься ты за умъ?
Толкуетъ Барсуку Лисица:
Пора бъ картинкѣ-то явиться. —
„И, мать моя, кума!
Да нешто дѣло-то веду я безъ ума?
И безъ картинки какъ нибудь съ тобою мы продышемъ,
А всѣхъ подписчиковъ мы въ поминанье впишемъ.

1868 года.

XLVIII.

КАНАРЕЙКА.

(*Посвящается мужьямъ слабонервнымъ.*)

Вчера ты жаловался мнѣ,
Что не нашелъ въ своей женѣ
Себѣ ты истиннаго друга,
И что твоя прелестная супруга
Пріятеля себѣ нашла.
На этотъ счетъ на умъ мнѣ басенка пришла, —
Послушай-ка.

Досталъ мальчишка канарейку,
И радъ. Ужь онъ ее и въ голову и въ шейку
Вездѣ и всю разцаловалъ,
И такъ ее измялъ,
Что, бѣдная, пищать ужь перестала.
Мальчишка въ слезы; чѣмъ попало
Давай ее лечить,
И всякій день надъ ней стонать и волкомъ выть.
Сталъ кутать канарейку въ вату,
Давай въ питьѣ ей чай и мяту,
Ну, словомъ, такъ ее онъ, бѣдную, лечилъ,

Что чуть было не уходилъ.
Хоть ласки молодца и очень были милы,
Но ихъ терпѣть не стало больше силы,
И желтобрюхая, во избѣжанье зла,
Тихонько въ рощу удрала.
„Что жь это, милая, спросилъ Скворецъ бѣглянку, —
Какую жь въ рощѣ-то ты ждешь себѣ приманку?
Вѣдь тутъ нельзя ни прыгать, ни скакать,
А надобно самой себѣ все промышлять.“
— Да ну его! Онъ до смерти наскучилъ,
Своими ласками совсѣмъ меня измучилъ!
Съ утра до вечера все нянчится со мной:
Чирикнешь весело, — онъ прыгаетъ съ тобой;
Нахохлишься, — онъ просто волкомъ взвоетъ,
И коленкоромъ клѣтку кроетъ.
Конечно, добръ и ласковъ онъ, мой свѣтъ,
Да жить-то съ нимъ терпѣнья нѣтъ. —

Что жь, какъ ты думаешь, — баснь эту пояснять,
Или оставить такъ? Мнѣ кажется, понять
Все то, что въ баснѣ говорится,
Не надобно особенно трудиться.
Излишняя любовь — вотъ гдѣ тому причина!
Кто нѣжничаетъ все, тотъ, братецъ, не мужчина.

1868 года.

XLIX.

АѲОНЬКА.

„Аѳонька воръ! Аѳонька плутъ!
Аѳоньку слѣдуетъ подъ судъ!
Кричали мужики на сходкѣ:
Всѣ знаютъ въ нашемъ околодкѣ,
Что изъ мірскаго онъ добра
Себѣ построилъ два двора.“
— Эхъ, братцы, перебилъ Аѳонькинъ другъ Подъячій,—
Какой народъ-то вы горячій!
Ну, чтожь что выстроилъ? Умретъ, —
Съ собой въ могилу не возьметъ.
Притомъ, какіе тамъ дворы! Дворишки просто:
Имъ вся цѣна — рублишекъ во сто.
Амбарчики, отары для овецъ,
Конюшни, два гумна, свѣтлички — и конецъ.
А богадѣльня-то? Кто вамъ ее устроилъ?
Хоть деньги ваши, но вѣдь онъ
Не васъ, а все себя лишь безпокоилъ.
А рукодѣльную для вашихъ бабъ и жонъ?
Кто выстроилъ? Все онъ же, онъ!
Вы дома все; а вашему Аѳонькѣ
Покою нѣтъ отъ гонки —

То въ городъ ко властямъ,
То на базаръ по вашимъ же дѣламъ.
Опять вина не пьетъ, и молится все Богу,
Ну, и скопилъ себѣ деньжонокъ по немногу. —
Почесывались мужики;
Всѣ видѣли, что имъ какъ будто не съ руки
Радѣнье прошлеца, а повинились
И плуту въ ноги поклонились.

Не правда ли, честные господа,
И между насъ бываютъ иногда
Оказіи такія,
Хоть мы не то, что мужики простые?

1868 года.

L.

СНИГИРЬ.

„Что, братъ, и въ будущемъ ты лѣтѣ, —
Спросилъ Щегленокъ Снигиря,
Останешься у насъ въ совѣтѣ
На должности секретаря?“
— Ну, нѣтъ; заранѣе смекнулъ я, братецъ, дѣломъ,
И до ревизіи всего за восемь дней,
Чтобъ, знаешь ли, остаться цѣлымъ,
Отставку взялъ, по немощи моей.
За тожь напуталъ имъ такого я хаоса,
Что разчешись они до перечоса,
А въ десять лѣтъ не разберутъ! —
„Ну, братъ Снигирь, ты страшный плутъ!
Однако же, чѣмъ жить-то станешь?“
— Да что ты, милый мой, не ихъ ли руку тянешь?
А я тебѣ скажу: не будь я снигиремъ,
Коли не буду тамъ опять секретаремъ!
Лишь стоитъ кой-кому пониже поклониться,
Да съ „нашими“ уговориться. —
„Ну, нѣтъ, не тѣ порядки стали нынѣ.“

— Кому ты говоришь? Да нашихъ глупыхъ птицъ,
Безмозглыхъ дятловъ и синицъ,
Поймаешь, братъ, и на мякинѣ.

Вотъ дерзость-то! Но, впрочемъ, чтожь сердиться!
Вѣдь это лишь у глупыхъ птицъ творится.

1868 года.

LI.

БАРСЪ И ВОЛКЪ.

Лисица-сборщица, какъ ловко ни хитрила,
А въ воровствѣ попала, наконецъ.
Но не въ Лисицѣ сила,
А въ барсахъ и волкахъ, душителяхъ овецъ.
— Вотъ вамъ и разъ! А мы-то распинались
За эту шельму передъ Львомъ!
Ну что, какъ скажетъ онъ: „вы ей друзья считались
Такъ не угодно ли стать вмѣстѣ предъ судомъ?
Конечно-молъ, своей подругѣ
Вы не измѣните ужь и на этотъ разъ".
Такъ говорилъ въ большомъ испугѣ
Сутягѣ-волку пестрый Барсъ.
„Вотъ на! А мы чѣмъ виноваты?"
Сердито крикнулъ Волкъ.
— Все такъ; мы, братъ, съ тобою чуть не святы,
Да не объ этомъ толкъ.
А ты вѣдь зналъ, что Лиска воровала?—
„Кто, я? Нимало!
Вотъ ты такъ зналъ!"

— Положимъ, зналъ; а ты съ ней вмѣстѣ воровалъ! —
И слово за слово, сцѣпилися друзья.

Вчера такую же исторью видѣлъ я:
Не двое, четверо сцѣпились,
За уличеннаго въ постыдномъ воровствѣ,
За тѣмъ, что всѣ они воришкѣ приходились
Въ какомъ-то кумовствѣ.

1868 года.

LII.

КУКУШКА.

Судить дрозда сбирались птицы,
Не то что крупныя, не то чтобы орлы,
А мелочь все: скворцы, чижи, синицы,
Овсянки, зяблики, щеглы.
Кукушку презусомъ избрали,
А воробья секретаремъ;
Разсѣлись по мѣстамъ, и строгій судъ начали
Надъ провинившимся дроздомъ.
Кричитъ щеголъ, чижъ тараторитъ,
Схватился съ воробьемъ скворецъ,
Съ синицею овсянка споритъ,
И чуть не драка наконецъ.
Не видя толку никакого,
Кукушкѣ зябликъ говоритъ:
„Да ну, скажи же ты хоть слово:
Вѣдь ты же презусъ тутъ!“ Кукушка все молчитъ.
— Мнѣ, другъ, мѣшаться не годится,
Промолвила она потомъ:
Какъ это дѣло ни рѣшится, —
Я—съ большинствомъ, я—съ большинствомъ.

А есть, ей-ей же есть и между нами душки,
Такія же кукушки.

1868 года.

LIII.

СКВОРЕЦЪ И СОРОКА.

— И все ты врешь!
Сказалъ Скворецъ Сорокѣ:
Ну, какъ таки во всемъ томъ ложь,
Что соколъ говоритъ о сойкѣ, о воровкѣ?
Летаешь ты по чердакамъ,
И на хвостѣ разносишь вѣсти;
Болтаешь вздоръ ты дятламъ — дуракамъ,
И сплетничаешь съ ними вмѣстѣ.
Тебѣ ль кого либо судить,
Коль у тебя самой весь хвостъ въ грязи замаранъ?
Тебѣ ль о чести говорить,
Когда ты всю ее отдашь за грошъ, задаромъ? —
„Молчи, Скворецъ!
Промолвила Сорока:
Пускай я лгу, пускай я, наконецъ,
По твоему, плутовка:
Но дѣло въ томъ, что какъ бы ни врала,
Какъ я бъ ни клеветала;
А все таки найду осла,
Который, можетъ быть, повѣритъ мнѣ хоть мало.

На томъ стоятъ между довѣрчивой толпой
И всѣ клеветники:
Изъ сотни лжей авось какой нибудь одной
Повѣрятъ дураки.

1868 года.

LIV.

ЖУРАВЛЬ И ЛИСИЦА.

Лисицѣ-сборщицѣ пришлося очень плохо.
Барсукъ не вызволилъ, хоть то и то сулилъ,
А одного переполоха
Лисѣ нагородилъ.
Легко сказать, — всѣ звѣри, птицы,
Какъ по командѣ, поднялись,
И плутни разныя Лисицы
Обсуживать, какъ должно, принялись.
Не знаю какъ, но межъ пернатыми судьями
Участія не бралъ всего журавль одинъ:
Весь занятый болотными дѣлами,
Онъ, какъ серьезный господинъ,
Въ дѣла звѣрей до тѣхъ поръ не мѣшался;
Бродилъ по кочкамъ и лугамъ,
Своею выступкой да ростомъ любовался,
И былъ опасенъ лишь лягушкамъ да ужамъ.
Къ нему-то Лисанька съ поклономъ обратилась:
— Голубчикъ, помоги!
Какъ видишь, съ ногъ совсѣмъ я сбилась;
Кругомъ меня враги!
Ужь я ль ихъ пользамъ не радѣла?

Повѣришь ли, и день и ночь
Все по курятникамъ. Я жизни не жалѣла,
Чтобъ услужить имъ! Гонятъ прочь,
По мордѣ бьютъ, толкаютъ въ зашей, —
А я терплю: пускай ихъ бьютъ,
Лишь бы для общины-то нашей
Мнѣ выканючить что нибудь. —
„А все шло въ общину, что собирала ты?
На вѣткѣ прыгая, чирикнула Синица,
Я слышала, что ты...“ — Все клеветы!
Не давъ договорить, воскликнула Лисица.
„А домикъ-то откуда ты взяла?
Синица бойко продолжала:
Ты міру косточки да перушки несла,
А мясо-то себѣ, плутовка, оставляла;
И даже въ перушкахъ, и тутъ
Ты нагло плутовала,
И фунтики за пудъ
Въ совѣтъ звѣриный представляла.
За то тебя
Гоняли и по мордѣ били;
За то...“ — Молчать! вскричалъ Журавль, ты знай себя!
Все это про Лису дрозды наговорили!
Я объ ея радѣньи
Давно отъ барсука слыхалъ,
И передъ львомъ самимъ намедни
Ее два раза защищалъ.
„Голубчикъ! вскрикнула Лисица
Герою въ ноги повалясь:
Ты жизнь мнѣ далъ! Мнѣ нечего теперь страшиться!
Вѣдь ты спасешь меня, мой панъ, мой графъ, мой князь?“
— Спасу, сказалъ Журавль. — И вотъ передъ судьями

Явился онъ, и началъ такъ:
„Скоты вы всѣ“!... Но вдругъ между звѣрями
Единогласное послышалось: „дуракъ!
Связался, братецъ, ты съ Лисицей,
А развѣ позабылъ о томъ,
Что въ людяхъ добрыхъ говорится:
Скажи-ка мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ,
И я скажу, что ты за птица?“
Сконфуженный Журавль не зналъ куда дѣваться:
Ужь онъ туда — сюда,
А дѣлать нечего, пришлось ретироваться
Скорѣй, какъ можно, отъ стыда.

Сія басня смертныхъ научаетъ,
Что журавлямъ не подобаетъ,
Для избѣжанія могущаго быть зла,
Соваться сгоряча въ лисицины дѣла.

1868 года.

LV.

КУРИЦА.

— Что это ты, моя хохлатка.
Спросила курицу дворовая кудлатка, —
Никакъ ужь пѣтухомъ поешь? —
„Пою, и какъ пою, — ты самъ не разберешь, —
Поетъ ли курица, или поетъ пѣтухъ“...
И заорала во весь духъ.
— Ну нѣтъ, сосѣдка, что-то плохо.
Такимъ пѣньёмъ переполоха
Межь курами ты лишь надѣлаешь, кума,
И посведешь ихъ всѣхъ съ ума.
Какъ ты себѣ ни надсѣдайся,
А все таки, кума, признайся
И убѣдися въ томъ,
Что курицѣ никакъ нельзя пѣть пѣтухомъ.
А если съ ней, помилуй Богъ,
Такая притча приключится.
То на порогъ,
И голову долой, сестрица.
Гораздо бъ лучше шли дѣла,
Когда бъ ты яица несла.

1868 года.

LVI.

БѢЛКА И ПСЫ ГОНЧІЕ.

„За что вы гоните Лисицу?
Спросили Бѣлки гончихъ псовъ:
Взвели вы на нее такую небылицу,
Что будто бы она и куръ и пѣтуховъ
Безъ жалости деретъ и душитъ.
Вѣдь если бы всѣ толки слушать,
Не обобраться бъ отъ клеветъ.
Мы знаемъ всѣ: добрѣй лисицы звѣря нѣтъ.
Глядите-ка, съ какимъ она смиреньемъ ходитъ,
Какъ ласково хвостомъ поводитъ!
А если иногда придавитъ пѣтуха,
То кто жь, скажите, безъ грѣха?“
— Вы слишкомъ сердобольны, бѣлки,
Отвѣтили имъ Псы:
Для васъ бездѣлица — продѣлки
Какой нибудь Лисы.
Вы всѣ, позвольте вамъ сказать,
Готовы плута целовать,
Лишь бы умѣлъ онъ угождать,
Глаза то къ небу поднимать,
То долу ихъ со вздохомъ опускать;

Лишь бы умѣлъ святошей прикидаться
И мелкимъ бѣсомъ извиваться.
А мы — совсѣмъ другой вопросъ, —
Названье наше: гончій песъ.
Насъ благочестьемъ не обманешь
И ласками не отуманишь.
Не бросимся мы на овцу,
Но ужь не спустимъ прошлецу,
Который подъ овечьей кожей
Запрятался съ своею волчьей рожей.
Мы узнаемъ его чутьемъ,
И пой онъ пѣсни соловьемъ,
А нашъ братъ — песъ его почуетъ,
И лапъ онъ нашихъ не минуетъ.
„Ахъ, псы! какіе жь злые вы!“
— Что жь дѣлать, псы должны быть таковы!

1868 года.

LVII.

СТАЧКА.

— Ну, кумушка, пришли знать времена плохія!
И ты, и я, и всѣ мы опустили хвостъ.
Пображничали мы на денежки чужія,
Теперь насталъ для насъ великій постъ. —
Такъ говорилъ Барсукъ Лисицѣ.
„А кто въ томъ виноватъ?
Вольно же было намъ правами поступиться,
И сдвинуть журавля назадъ!
Когда бы у него все наше было дѣло, —
Оно не такъ бы закипѣло,
И мы по прежнему орудовали бы всемъ.
А то мы сами льва судьею посадили,
И тѣмъ
Себѣ же каши наварили.
Но впрочемъ нечего тужить намъ спозаранку:
Еще у насъ не отнята
Возможность вывернуть все дѣло наизнанку,
На то, кумъ милый, клевета;
А въ этомъ я большая мастерица,
Съ улыбкою прибавила Лисица.

1868 года.

LVIII.

ЖУРАВЛЬ ВЪ БѢДѢ.

„Ты какъ, журавль, попалъ между сычей — воровъ?
Тебя мы къ плутовству способнымъ не считали.“
Такъ спрашивалъ совѣтъ орловъ
Бѣдняжку Журавля: „тебя мы всѣ видали
На высотѣ небесъ, промежду облаковъ;
Какимъ же способомъ ты сталъ дружить съ ворами?“
— Эхма, — сказалъ Журавль, — для дураковъ
Законъ не писанъ. Да, вы вѣдаете сами,
Что я съ лягушками одними воевалъ,
И что съ сычами
Знакомства не имѣлъ и вовсе не искалъ.
Но на бѣду свою, связался я съ грачами:
Толпою шумною они разсѣлись вкругъ меня,
И карканьемъ своимъ мнѣ уши прокричали,
И я,
Не разобравъ, чего они желали,
Къ ихъ сонмищу, дуракъ, присталъ,
И вотъ въ просакъ теперь попалъ. —

Жаль журавля! Но кто же виноватъ?
Нельзя жъ всему, что говорятъ

Въ толпѣ грачей, смиренно вѣрить,
И ихъ аршиномъ мѣрить
Свои текущія дѣла.
На то, по волѣ Бога,
Природа намъ дала
Ума и опыта немного.

1868 года.

LIX.

БАРСУКЪ АДВОКАТЪ.

— Скажи, пожалуста, съ которыхъ это поръ
Ты честностью сталъ заниматься?
Всѣ знаютъ, что ты плутъ, что ты отпѣтый воръ,
Что въ люди добрые нельзя тебѣ казаться.
Такъ говорилъ Левъ старый Барсуку,
Который какъ-то тамъ вписался въ адвокаты. —
Гмъ, адвокатъ... видалъ я на своемъ вѣку
Плутовъ, но тѣ, Барсукъ, передъ тобою святы. —
„Помилуйте, какой же плутъ я? Нѣтъ,
Я звѣрь, на всѣхъ звѣрей похожій.
Попался, правда, разъ; за тоже
Я ровно десять лѣтъ
Ходилъ въ овечьей кожѣ.
Когда увѣрился потомъ,
Что грѣхъ мой мнѣ прощенъ,
Я кожу снялъ овечью,
И дикобразомъ ободренъ.
Заговорилъ опять моею прежней рѣчью.
Узнавъ по опыту, что для воровъ труднѣй
Найти защитниковъ себѣ и адвокатовъ.
Я всей душой моей

Стараться сталъ за нихъ, моихъ собратовъ.
О честности воровъ я всѣмъ теперь твержу,
И съ честными людьми воюю;
И, воля ваша, нахожу
Гораздо выгоднѣй я практику такую.
Всѣ люди честные, извѣстно, голяки,
Отъ нихъ себѣ поживы вы не ждите;
А воры... воры намъ съ руки:
Ихъ только защитите,
А ужь они васъ не ударятъ въ грязь.

Не далѣй, какъ вчерась,
Себѣ на удивленье,
Услышалъ я такое же сужденье.

1868 года.

LX.

ЛИСИЦА И БАРСУКЪ.

„Чтожь это, кумъ, ты такъ-то защитилъ меня?
Лисица Барсуку изъ западни пѣняла:
Гляди, въ какое мѣсто я,
По милости твоей, попала.
А тыжь мнѣ все твердилъ:
Воруй небось; все будетъ шито-крыто,
И что́ бы песъ въ судѣ ни говорилъ, —
Я буду для тебя защитой!“
— А ты, смѣясь, сказалъ Барсукъ
Такъ и повѣрила мнѣ сдуру!
Чегожь тебѣ? Сходило съ рукъ,
И хорошо; а чтобъ за шкуру
Твою я отвѣчалъ,
Объ этомъ я не помышлялъ.
Однакоже, неровенъ часъ,
Пожалуй, и увидятъ насъ
Съ тобою, милая сестрица;
Такъ лучше намъ уже проститься.
Прощай, счастливо оставаться! —

„Чтобъ вѣкъ намъ не видаться!“
Сказала, разсердясь, Лисица.

Вотъ такъ-то и у насъ, людей, подъ часъ творится:
Гдѣ двумъ плутамъ сойтись случится,
Тамъ, въ случаѣ бѣды, одинъ ужь непремѣнно
Съ насмѣшкой скажетъ вамъ: „имѣй мя отреченна.“

1868 года.

LXI.

СНИГИРЬ И ЖУРАВЛЬ.

Гулялъ Журавль по огороду;
Какъ секретарь, за нимъ Снигирь юлилъ,
И журавлиную породу
Онъ для чего-то все хвалилъ.
Но вдругъ Журавль повертывать сталъ носомъ,
И къ Снигирю отнесся онъ съ вопросомъ:
„А что это, мой милый другъ,
Тутъ у тебя воняетъ?“
Со Снигиремъ и трепетъ и испугъ:
Какъ секретарь, доподлинно онъ знаетъ,
Что гдѣ-то тутъ, въ большой норѣ,
Лиса дичинку сберегаетъ,
И что дичинка-то объ этакой порѣ
Маленько и воняетъ.
— Позвольте, угадалъ!
Снигирь, оправившись, сказалъ:
То — ландышъ, больше ничего. —
„А, ландышъ! Ну, такъ вонъ его!“

Не только для людей,
Но и для журавлей
Есть истинное наказанье
Имѣть плохое обонянье!

1868 года.

LXII.

МУЖИКЪ ПРОДАВЕЦЪ.

Смыслъ этой басни не всѣмъ понятенъ будетъ,
Но вѣрьте, что она кое-кого разбудитъ,
И тотъ, кто виноватъ, досаду затая,
Завоетъ сдуру: „это я“.

Однажды въ скверъ пришелъ я птичекъ покупать,
И соловья велѣлъ прикащику подать.
„Бери грача!“ — раздался сбоку крикъ;
Гляжу, ко мнѣ идетъ приземистый мужикъ.
— На что же мнѣ твой грачъ? Я соловья хочу! —
„Толкуй тамъ! Соловей грачу,
Ужъ въ чемъ
Другомъ,
А въ громогласіи уступитъ.“
— Ну, пусть его кто хочетъ, тотъ и купитъ.
Ты лучше мнѣ скажи про цѣну соловью. —
„Я соловья не продаю!“
— Да почему же? — „Такъ, не продаю, иквитъ;
Ты на грача, а я на соловья сердитъ.

Вчера вечернею порой
Такой же случай былъ со мной:
Я сталъ просить себѣ въ проводники Лукьяна,
А мнѣ даютъ мошенника Демьяна.

1868 года.

LXIII.

КРИВАЯ БЕРЕЗА И МОЛОДОЕ ДЕРЕВЦО.

(*Посвящается моему милому Серёжѣ.*)

Прямое деревцо кривиться какъ-то стало;
Садовникъ взялъ,
Да къ палочкѣ его и привязалъ,
А деревцо и возроптало:
„Какой
Онъ злой!
Промолвило оно сквозь слезы:
Чѣмъ хуже я вонъ той березы?
Она и въ шишкахъ и съ горбомъ,
А вѣдь ее жь не вяжетъ онъ.“
— Эхъ, радость ты моя!
Береза грустно отвѣчала:
Совсѣмъ не то была бы я,
Когда бы и меня сначала,
Привязывали какъ тебя.
И я, какъ ты, была пряма,
Но противъ вѣтровъ, противъ бури
Держаться не могла сама,
И вотъ они меня согнули

И сдѣлали съ горбомъ.
Такъ не жалѣй же, другъ, о томъ,
Что есть тебѣ за что держаться. —

Серёженька! Вчера ты вздумалъ обижаться,
Что маменька тебя немножко наказала;
А ты подумай-ка сначала:
Вѣдь ты упорство оказалъ
И Богу не хотѣлъ молиться,
И, значитъ, сталъ
Уже на сторону кривиться.
Не накажи она тебя, такъ ты потомъ
Остался-бъ на всю жизнь съ горбомъ.

1868 года.

LXIV.

БОГАЧЪ И МАЛЯРЪ.

Купилъ богачъ прекрасную статую;
Весь свой талантъ въ нее художникъ положилъ,
И въ мраморъ душу онъ живую
Ударомъ скальпеля вложилъ.
Но геніальнаго не понялъ вдохновенья
Необразованный мужикъ.
Зоветъ онъ маляра, и отдаетъ велѣнье
Раскрасить вдохновенный ликъ.
Маляръ берется за работу,
Сурмитъ и краситъ и бѣлитъ,
И бьется, варваръ, онъ до поту,
Чтобъ статуѣ придать тотъ видъ.
Какой отъ богача заказанъ.
И мраморъ красками замазанъ,
И ярко въ золотѣ горитъ:
Но странно, — кто ни взглянетъ, всякъ
Промолвитъ богачу и маляру: „дуракъ!“

Сударыни... но лучше помолчу,
За тѣмъ что ссориться я съ вами не хочу.

1868 года.

LXV.

СЛОНЪ И ГОЛОДНЫЕ ЗВѢРИ.

Диви бы у людей,
А то, представьте, у звѣрей
Случился голодъ — да какой!
Въ поляхъ былинки ни одной.
(Прошу имѣть въ виду звѣрей не кровожадныхъ:
Тѣ въ голодъ сыты завсегда;
А это лишь на травоядныхъ
Обрушилась голодная бѣда.)
Идутъ къ Слону; а онъ
Межь травоядною породой,
Какъ толще всѣхъ, какъ слонъ,
Сидѣлъ лѣтъ сорокъ воеводой.
Докладчица Лиса
Несчастіе въ живыхъ чертахъ изобразила,
И для звѣрей сѣнца, соломки и овса
Изъ закромовъ слоновьихъ попросила.
— Ну, полно! Слонъ сказалъ.
Какой тамъ голодъ! Все небось твои продѣлки!
Вчера я съ бѣлками игралъ,
И мнѣ не жаловались бѣлки.
Да, чуть не позабылъ съ докладомъ я твоимъ:

Вели-ка отпустить ты имъ,
Моимъ шалуньямъ молодымъ,
Орѣховъ сорокъ пудъ;
А звѣри прочіе, небось, не перемрутъ.
„Но тѣ вѣдь трудятся..." — Ну, чтожь!
А развѣ тутъ
Не тожь?
Вѣдь забавлять слоновъ есть тоже важный трудъ!

1868 года.

LXVI.

ДИКОБРАЗЪ И БОБРЫ.

Въ собраніе бобровъ
Введенъ былъ какъ-то разъ,
По просьбѣ двухъ ословъ,
Нечистый Дикобразъ.
А всѣмъ извѣстно, какъ бобры
Въ своемъ хозяйствѣ чистоплотны,
И деликатны, и добры,
Хотя не то, что беззаботны
На счетъ того, кто входитъ къ нимъ
Съ природнымъ запахомъ своимъ.
И вдругъ — представьте изумленье
Довѣрчивыхъ бобровъ! —
За вѣжливость, за снисхожденье
Къ ходатайству ословъ,
Ихъ новый членъ того кольнетъ,
Того рванетъ,
А главное, присутствіемъ своимъ
Испортилъ чистый воздухъ имъ.
Какъ ни добры
Бобры,
И какъ себя ни принуждали,

А наконецъ, и жаловаться стали,
Сначала межь собой, а тамъ уже и вслухъ.
— Ну, ничего,
Ослы имъ отвѣчали:
Что жь дѣлать, если у него
Такой ужь отъ природы духъ;
А если онъ и колетъ васъ,
То вѣдь на то онъ дикобразъ.

И между нами есть такіе жь дикобразы;
Ихъ люди смирные боятся, какъ заразы.
Надѣлать дерзостей, иль обругать кого —
На это взять ихъ; но всего
Досаднѣй то, что ихъ еще и извиняютъ.
А къ мировому не таскаютъ.
Намъ думается такъ, что этакихъ звѣрей
(Простите, господа, замѣткѣ)
Гораздо было бы дѣльнѣй
Держать въ особой клѣткѣ.

1868 года.

LXVII.

НЕПОСѢСТНОЕ ДЕРЕВЦО.

(*Б. М. А....у.*)

Въ семь лѣтъ перемѣнилъ никакъ ты восемь мѣстъ.
Скажи мнѣ, какъ тебѣ, мой другъ, не надоѣстъ
Изъ города въ другой съ семьей перебираться
И постоянно разоряться?
Учить тебя — не моему уму,
А вотъ я басенкой авось тебя пройму.

Сердилось деревцо, за чѣмъ и то и то
Кругомъ все зеленью и цвѣтомъ облито;
А у него листочки мелки,
Цвѣточки рѣдки.
Кричитъ садовнику: „пересади меня!
Вотъ тамъ-то разовьюсь ужь я!“
Пересадилъ, а вышло хуже:
Листочки стали уже,
А о цвѣтахъ и не слыхать.
„Пересади!“ кричитъ оно садовнику опять.
И что же? кончилося тѣмъ,

Что чѣмъ
Онъ чаще сталъ мѣста ему перемѣнять,
Тѣмъ больше деревцо силъ начало терять,
Потомъ завяло,
И, наконецъ, совсѣмъ пропало.

1868 года.

LXVIII.

СОВѢТНИКЪ-ДИКОБРАЗЪ.

Весьма серьезною причиной
Поставленъ былъ въ тупикъ совѣтъ звѣриный.
Онъ, наконецъ, увидѣлъ ясно,
Что обвинялъ быка напрасно,
И что не для его натуры
Годятся въ пищу куры.
А между тѣмъ и то всѣмъ было явно,
Что Лисанька-донощица исправно
Бумаги на быка писала,
И цифрами въ нихъ излагала
Быкомъ поѣденныхъ цыплятъ,
Гусей, индеекъ и утятъ.
Совѣтъ не зналъ, какъ тутъ и къ дѣлу приступить,
Хоть въ пору волкомъ выть;
Да, къ счастію, на этотъ разъ
Вмѣшался въ дѣло Дикобразъ.
— Ну, что задумались! сказалъ онъ такъ слонамъ.
Хотите — помогу я вамъ?
Во первыхъ, Лисаньку во всемъ заквитовать,
И во вторыхъ, быка прогнать,

А чтобы прекратить совсѣмъ его злодѣйство,
Мартышкѣ передать дѣла и казначейство. —
„А что жь, подумали слоны,
И безъ того мы такъ утруждены
Поденною работой,
Что согласились бы съ охотой
Покончить такъ на этотъ разъ,
Какъ намъ совѣтуетъ почтенный Дикобразъ.
Вѣдь намъ всего нужнѣй святая тишина;
Какъ ни досталась бы она,
А все же миръ дурной гораздо лучше брани.“
— Конечно такъ, сказалъ Медвѣдь,
Но знаете вы сами,
Что врядъ ли можно миръ имѣть
Съ плутовками — Лисами.

1868 года.

LXIX.

ЦЕСАРКИ.

Вскудахтались цесарочки, что ихъ
Совсѣмъ безвинно оболгали,
Что будто бы секретно отъ своихъ
Черезъ заборъ къ нимъ пѣтухи летали.
Конечно, въ томъ еще большаго нѣтъ грѣха,
Чтобъ принимать въ гостяхъ цесаркамъ пѣтуха;
А все таки толкуютъ куры:
„Вѣдь мы-дескать, невѣстушки, не дуры,
И какъ вы ни притаивайте духъ,
А знаемъ мы, за чѣмъ летаетъ къ вамъ пѣтухъ."
Цесарки въ слезы,
А пѣтухи въ угрозы.....

Но кто же виноватъ?
Не надо бы и подавать
Неосторожнымъ поведеньемъ
И повода къ такимъ невыгоднымъ сужденьямъ;
А то вѣдь на чужой ротокъ
Накинуть не легко платокъ.

1868 года.

LXX.

ПЯТНА.

(*Милой сестрѣ Н. В. Н—вой.*)

—Что это, Пименычъ, — взгляни-ка на себя,
Что сдѣлалось съ твоимъ кафтаномъ?
Бывало, поглядишь съ сторонки на тебя,
Идешь себѣ, какъ есть, панъ-паномъ.
А нынѣ — спереди пятно,
А сзади у тебя другое:
Откуда же взялось оно,
Притомъ широкое такое?
„Закапалъ маслецомъ, Пахомъ,
Да и не вывелъ, братъ, потомъ."
„Не вывелъ — эка грѣхъ! Ну, такъ оно понятно:
То были пятнушки, теперь пошли ужь пятна.

Вотъ такъ-то, милый другъ,
Бываетъ и съ душою:
Не смоешь пятнушка, — анъ вдругъ
Глядишь — изъ пятнушка уже пятно большое.

1868 года.

LXXI.

ЖИДЪ И ЕЗУИТЪ.

Ужь это будетъ вамъ не басня и не сказка,
А правда сущая. Тутъ лишь одна опаска,
Чтобъ тотъ или другой
Не потянули насъ къ отвѣту въ „Окружной.“

Аврумка жидъ
Да Джуликъ езуитъ
По свѣту бѣлому довольно пошатались,
Исплутовались, истрепались.
— Куда дѣваться, жидъ?
Сказалъ Аврумкѣ езуитъ.
„А вотъ куда, сказалъ Аврумка:
Давно ужь мнѣ въ башку засѣла думка,
Чтобъ стать христіаниномъ.
— Ну, хорошо, а дальше что жь? —
„А дальше — буду гражданиномъ.“
— Положимъ, такъ, — а я? — „Ты тожь.“
— Ну, что ты врешь?
Да развѣ я не христіанинъ? —
„Вопросъ твой, мой камрадъ, немножко страненъ.
Конечно, нѣтъ: ты езуитъ.

Сказалъ съ улыбкой бойкій жидъ:
А езуитъ извѣстно что̀, —
Ни Богу онъ свѣча, ни чорту кочерга.“
— Аврумка жидъ! гляди, не наживи за то
Во мнѣ себѣ заклятаго врага. —
„Помиримся! Ты слушай мой проэктъ:
Хотя у насъ съ тобой
Ни крошки вѣры нѣтъ,
А все таки между довѣрчивой толпой
Погромче станемъ мы о вѣрѣ вопіять,
И всѣхъ жидовъ и езуитовъ гнать.
Тебѣ не стать учиться лицемѣрить,
А мнѣ опять таки нельзя же не повѣрить,
За тѣмъ, что я... „— Ну, по рукамъ!
Сказалъ жиду Аврумкѣ езуитъ:
Хоть ты и плутъ, но я и самъ,
Любезный мой, не лыкомъ шитъ.
Такъ помни жь, барыши чтобъ были пополамъ!“
И вотъ друзья, на удивленье
Крещеныхъ всѣхъ, усердно принялись
Устраивать распространенье
Того, къ чему душой еще не привились,
Чему участье ихъ губительно вредитъ;
И вопли горькіе со всѣхъ сторонъ несутся:
Бѣда, коль жидъ да езуитъ
За дѣло Божіе возьмутся!

1868 года.

LXXII.

БАРАНЫ СЪ ПРОТЕСТОМЪ.

„Мы всѣ обижены; мы всѣ оскорблены!
Въ прошеніи своемъ писали Льву бараны:
Безъ всякой съ нашей стороны
Вины,
Лишаютъ насъ товарища буяны,
Тобой назначенные псы.
Спроси хоть у лисы,
Хоть у куницъ иль полевыхъ мышей:
Межъ всѣми нами
Барана не было добрѣй
Охаяннаго псами.
Курчавый волосъ, сладкій взглядъ,
Пріемы легкіе, точь въ точь у попугая,
Рога кольцомъ, немножечко назадъ,
И мордочка умильная такая.
А какъ блеялъ!.. Куницы отъ него
Всѣ до одной съ ума сходили,
Изъ-за блеянья одного
Всегда гужомъ за нимъ бродили.

Опять и тѣмъ онъ былъ для насъ полезенъ,
Что былъ съ захожими любезенъ.
Появится ли въ стадѣ волъ, —
Онъ подбѣжитъ и хвостъ волу полижетъ;
Зайдетъ ли какъ нибудь оселъ, —
Онъ и ослу вѣнокъ привѣтствій снижетъ.
А про куницъ
И про лисицъ
И толковать уже не стоитъ:
Какъ тѣнь, за каждою изъ нихъ,
Онъ, не жалѣя силъ своихъ,
Съ утра до вечера все бродитъ.
А псы, не знаемъ мы — съ чего,
Нашли, что будто у него
Опасныя подъ шерстью раны,
И что мы всѣ, бараны,
И сами отъ него вишь заразиться можемъ.
Оно, конечно такъ, положимъ,
Что онъ нечистъ, что язвы есть,
Да вѣдь подъ шерстью ихъ не видно;
И посему, чтобъ всѣмъ намъ не было обидно,
Мы просимъ вашу честь
Не трогать нашего барана,
И тѣмъ не дѣлать намъ изъяна.
А то ослы, волы и, главное, куницы
Совсѣмъ оставятъ насъ. — Ну, что за небылицы!
Сказалъ имъ Левъ. Друзья мои, — вашъ трудъ напра-
сенъ.
И въ просьбѣ вашей толку нѣтъ.
Товарищъ вашъ, баранъ, вотъ тѣмъ-то и опасенъ.
Что нѣтъ особенныхъ примѣтъ
Заразы той, которой онъ

Давнымъ-давно ужь зараженъ;
А потому, угодное вамъ сдѣлать не могу.
А вотъ какъ я его немножко остригу
Да вылечу, — тогда
Спасибо скажете вы всѣ мнѣ, господа.

1868 года.

LXXIII.

НЕТОПЫРИ.

Разгнѣвались нетопыри
На то, что съ утренней зари
Нельзя гулять имъ на просторѣ,
Что солнце сущее имъ горе,
И порѣшили межь собой
На солнце броситься толпой
И заслонить его. А солнце, знать — не зная
Такихъ затѣй
Нетопырей,
Взошло, какъ и всегда, — и вотъ вся эта стая
Ночныхъ мышей,
Не вытерпѣвъ его лучей
И позабывши сборы,
Попряталася въ норы.

Какъ много есть нетопырей
И межь двуногою породою людей!
Имъ солнце правды-наказанье,
И потому ихъ все старанье
Чтобъ если не совсѣмъ его сіянье скрыть,

То крыльями хоть заслонить.
Но солнце всходитъ, и лучами,
Какъ молньевидными стрѣлами,
Небесной силою своей
Гоняетъ прочь нетопырей.

1868 года.

LXXIV.

СТРЕКОЗА И ПЧЕЛА.

(Милой моей Монѣ.)

Вчера такъ весело, такъ мило,
Малютка милая моя,
Ты басенку проговорила
Про Стрекозу и Муравья.
Тебя хвалили всѣ; но я
Въ глазахъ твоихъ замѣтилъ
Чуть-чуть дрожавшую слезу,
И тутъ же самъ себѣ отвѣтилъ,
Что, вѣрно, жаль ей Стрекозу...
Да, жаль ее; она — лѣнтяйка,
И, по язычески сказать,
Ей домовитая хозяйка
По правдѣ можетъ отказать.
По христіански же нельзя,
Малютка милая моя,
Хвалить за это Муравья.
Онъ надъ голодной Стрекозой
Не хорошо такъ издѣвался,
И надъ тупой ея мольбой

Такъ оскорбительно смѣялся.
А вотъ послушай, какъ Пчела,
Когда къ ней Стрекоза отъ Муравья пришла,
Голодную-то приняла.
Я самъ тамъ былъ, голубчикъ мой,
И Пчелки разговоръ я слышалъ съ Стрекозой.

—Голубушка, я голодна!
Сказала Стрекоза: все лѣто проскакала,
А тутъ зима нечаянно настала,
Да такъ люта, такъ холодна,
Что силъ моихъ терпѣть не стало.
Не прогони меня, какъ прогналъ Муравей,
Дай мнѣ поѣсть, моя родная. —
„Изволь, сестра, сказала ей
Привѣтно Пчелка золотая:
Ѣшь, матушка, да помни лишь,
Что если цѣлое ты лѣто
Опять, какъ прежде, прокутишь,
То будетъ грѣхъ тебѣ за это.
За трудъ, и только лишь за трудъ
Намъ пить и ѣсть, сестра, даютъ.
А кто гуляетъ да лѣнится,
Тотъ самъ тому виной, что иногда постится.

1868 года.

LXXV.

МЕДВѢДЬ ЗАЩИТНИКЪ.

Медвѣдя выбрали начальникомъ волковъ;
Ну, волкъ извѣстно ужь каковъ:
Овцу, корову ли завидитъ, —
Ужь непремѣнно ихъ по волчьему обидитъ.
Едва переводя съ переполоха духъ,
Къ Медвѣдю какъ-то разъ является пастухъ.
Вотъ такъ и такъ, онъ говоритъ, —
Обиженъ, батюшка; изволь самъ разсудить:
Вчера коровушку мою зарѣзалъ сѣрый,
Уйми злодѣя-то какою либо мѣрой...
— И ты, вскричалъ Медвѣдь
Себѣ позволилъ смѣть
Мнѣ доносить на подчиненныхъ!..
Да знаешь ли, что межь волками нѣтъ виновныхъ?
Что у меня они по стрункѣ ходятъ,
И въ ваши глупыя стада совсѣмъ не бродятъ?
— Помилуй, батюшка... — Молчать!
Я имъ старшо́й, и всѣхъ ихъ долженъ защищать!
А вашихъ жалобъ, что коровъ они тамъ душатъ,
Я не хочу и слушать!

Такъ иногда ретивый командиръ
    Горячку поретъ за мундиръ,
    Своихъ по службѣ подчиненныхъ,
Хотя бы то дѣйствительно виновныхъ.

1868 года.

LXXVI.

ЛИСИЦА-ПРОСИТЕЛЬНИЦА.

Пришла Лисица къ Псу борзому;
А Песъ, не вѣдаю какимъ ужь тамъ путемъ,
Былъ у кита секретаремъ.
— А я къ тебѣ, отцу родному,
Лисица говоритъ: состряпай-ка, душа,
Ты просьбишку мнѣ на ерша.
Пиши, — онъ колетъ всѣхъ. — „Ну что жь?
Отвѣтилъ Песъ: на то онъ ёршъ."
— Пиши: онъ не даетъ звѣрямъ покою
И ходитъ съ палкою большою. —
„Кто — ёршъ?
Да что ты врешь?"
— Молчи, и продолжай писать:
Вчера съ меня хотѣлъ онъ шкуру снять. —
„Послушай, кумушка, — ври, ври, да знай же мѣру;
Вѣдь это превышаетъ вѣру:
Ну, можно ли, чтобъ ёршъ съ тебя сталъ шкуру драть?"
— Пиши еще: при всѣхъ онъ сталъ меня ругать,
Что силы есть, кричать,
Жидовской харей называть. —
„Да Богъ съ тобой, мой свѣтъ!

Вѣдь у ерша и голосу-то нѣтъ.“
—Разсказывай! Пусть разбираютъ тамъ,
А намъ
Лишь бы побольше написать,
Чтобы судьямъ работу дать.
Пусть ихъ повозятся; а мы,
Межь тѣмъ, тревожные умы
По своему маленечко настроимъ,
И отъ ерша,
Моя душа,
Себя надолго успокоимъ.

А есть, друзья, и между нами есть —
Да ихъ почти не перечесть,
Не меньшей полные отваги,
Такіе же лгуны-сутяги.

1868 года.

LXXVII.

ДВОРНЯГА.

Дворнягу баринъ похвалилъ,
Не то, чтобъ черезчуръ, а такъ себѣ, случайно, —
И что жь, дворняга нашъ себѣ вообразилъ,
Что баринъ имъ доволенъ чрезвычайно.
Откуда что взялось!
Съ собаками дворняга ужь не бродитъ,
Не вмѣстѣ съ ними ѣстъ, а врозь.
Ласкаются къ нему, а онъ хвостомъ лишь водитъ;
Подступится ли кто — онъ тотчасъ зарычитъ,
И, если кто на дворъ заходитъ,
Глубокомысленно молчитъ.
А далѣе и въ барскія хоромы
Суется съ рыломъ неумытымъ;
Бывало, роскошью считалъ онъ пукъ соломы,
А тутъ ужь наровитъ лечь на коврѣ разшитомъ.
Придетъ ли къ барину кто въ гости,
Дворняга нашъ, глодать покинувъ кости,
Летитъ стремглавъ,
И въ голову себѣ забравъ,
Что барину онъ свой, къ гостямъ онъ рыломъ трется,
И ластится, и жмется.

Ну, словомъ, нашъ дворняга позабылъ,
Чтò онъ такое есть, и чтò такое былъ;
И кончилъ тѣмъ, что наглаго дворнягу
Принудили поспѣшную дать тягу
Пинками изъ хоромъ.

И по дѣломъ!
Ласкаютъ, — будь уменъ, но берегись,
И наглымъ мужикомъ
Въ переднiй уголъ не садись.

1868 года.

LXXVIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ.

Къ зажиточному мужику
Просилася въ кормилицы Змѣя:
„Я, говоритъ, ужь на своемъ вѣку
Вскормила множество ребятъ; кормила я
У львовъ, кормила у лисицъ
И выходила двухъ волчонковъ у волчицъ;
И всѣмъ, повѣрь ты мнѣ, я матерью была.
Одинъ порокъ за мной: я, кумъ, немножко зла."
—Такъ убирайся же, и знай, что для дѣтей
Нѣтъ ничего опаснѣй змѣй.
Положимъ, что онѣ хоть не укусятъ ихъ,
Но въ нихъ самихъ
Заляжетъ сѣмя злое;
И потому, оставь меня въ покоѣ.

1868 года.

LXXIX.

МЫШИ.

Разсказываютъ, что мышей
Въ Европѣ прежде не водилось,
И что съ тѣхъ поръ ихъ расплодилось,
Какъ изъ Америки какой-то грамотѣй
Привезъ ихъ для своихъ друзей.
„Ну что, мой другъ, спросилъ одного чрезъ годъ:
Доволенъ ты мышами?
Я думаю, ужь есть отъ нихъ приплодъ..."
— Еще бы! Мы теперь не знаемъ сами,
Что дѣлать, какъ и быть
Съ такими милыми гостями, —
Почти что въ пору волкомъ выть.
Плодятся сотнями; прогрызли всюду щели,
Все перепортили, все въ погребѣ поѣли,
И расхозяйничались такъ,
Что я теперь не знаю какъ
Избавиться отъ нихъ.
Завелъ уже котовъ двоихъ,
А толку мало: тамъ, въ подпольѣ
Имъ безопасное раздолье.

Хоть изъ дому бѣги, ей-ей
От̾ъ этихъ аспидовъ-мышей.

Я басню кончилъ; безъ сомнѣнья,
Вы ждете отъ меня теперь нравоученья.
Но какъ его изъ басенки извлечь?
Хотѣлъ бы съ вами я повесть о нѣмцахъ рѣчь,
Что все у насъ заполонили,
Иль о жидахъ, которыхъ мы пустили
Хозяйничать у насъ:
Такъ вѣдь неровенъ часъ —
За этакое примѣненье
Получишь самъ нравоученье.

1868 года.

LXXX.

ЛЕВЪ И ЛИСИЦА.

— Все жалобы да жалобы! Ей-ей,
Наскучили онѣ мнѣ хуже горькой рѣдьки!
Чѣмъ дуренъ слонъ? По простотѣ своей,
Изъ всѣхъ звѣрей
Онъ истинно звѣрь рѣдкій!
Незлобивъ, тихъ, немножко, правда, глупъ,
Да это не мѣшаетъ;
Замѣтилъ я, кто въ пониманьи тупъ,
Тотъ больше дѣлъ рѣшаетъ.
„Все такъ, сказала Льву докладчица-Лисица.
Хоть въ это дѣло мнѣ мѣшаться не годится,
Но сила въ томъ,
Что слонъ — прости мнѣ, Левъ, — совсѣмъ уже рубаха,
И что при немъ
Вертитъ дѣлами россомаха.
Опять не хорошо и то,
Что о слонѣ никто
Не говоритъ порядочнаго слова,
И что у всякаго готова
На счетъ его иль сплетня у воротъ,
Иль кабинетный анекдотъ.

Конечно, это все слова,
Да вѣдь покоръ-то весь на Льва:
Вотъ-дескать глупая какая голова!....
—На Льва? вскричалъ, разсвирѣпѣвъ,
До той поры спокойный Левъ:
На Льва? Ну, если такъ, постой:
Скажи же ты слону,
Чтобъ онъ немедленно просился на покой,
Не то я такъ его турну,
Что и своихъ онъ не узнаетъ.

Строгонько таки Левъ рѣшаетъ:
Но что же дѣлать, если Слонъ
Ужь и того не понимаетъ,
Что вѣдь на воеводствѣ онъ
Напрасно мѣсто занимаетъ.

1868 года.

LXXXI.

ПТЕНЧИКЪ.

(Посвящается милой моей Монѣ.)

Только гнѣздушко оставилъ,
Только крылушки расправилъ,
А ужъ птенчикъ сталъ скучать
И на вѣточкѣ дремать.
— Что, голубчикъ, пріунылъ,
Нѣжно мать его спросила:
Али выбился изъ силъ?
Али боленъ ты, мой милый?
„Нѣтъ, здоровъ: но грустно мнѣ,
Отъ чего я въ вышинѣ
Не могу за облаками
За одно летать съ орлами?"
— Другъ мой милый, молвитъ мать, —
За орлами ль намъ намъ летать?
Слава Богу, что съ тобой
Мы летаемъ надъ землей.
Погляди-ка, сколько есть
Малыхъ птичекъ между нами,

Что поставили бъ за честь
Полетать и надъ домами.
Помни, птенчикъ милый мой,
Чтобъ довольнымъ быть судьбой,
Не гляди, что̀ надъ тобой,
А гляди, что̀ подъ тобой.

1868 года.

LXXXII.

ЛГУНЪ.

(*Подражаніе Езопу.*)

„Ай, караулъ!“ кричалъ Сысой пастухъ.
„Ай, батюшки! Волкъ сѣрый обижаетъ!“
Бѣгутъ къ Сысою во весь духъ,
А онъ-то со смѣху вотъ такъ и помираетъ;
Надулъ, выходитъ. Разъ, другой
Сошла ему такая штука,
А наконецъ и волкъ пришелъ; оретъ Сысой, —
Никто нейдетъ, и всѣхъ овечекъ до одной
Порѣзалъ волкъ.

Впередъ наука!
Не лги; соврешь ты разъ, соврешь другой,
Сойдетъ, быть можетъ, съ рукъ долой;
А тамъ ужь, просимъ извинить,
И правду станешь говорить,
И присягнуть бы радъ,
Ужь не повѣрятъ, братъ.

1868 года.

LXXXIII.

ВОЛЧОНОКЪ, ПРОСЯЩІЙ СЕБѢ ДЕПУТАТА.

Волчонокъ-плутъ попалъ въ тюрьму,
И сталъ просить, чтобы ему
Позволили къ родителямъ писать.
Позволили. И сталъ онъ завывать,
Что вотъ-де я попалъ въ тюрьму совсѣмъ напрасно,
Что положеніе мое весьма опасно:
Меня-дескать подъ судъ
Собакамъ отдаютъ;
А посему, пришлите депутата
Изъ нашего же брата.
Иначе, заключилъ Волчонокъ,
Я сгибну, какъ ягненокъ.
— Любезный сынъ! отвѣтилъ ему,
Коли попался ты въ тюрьму,
То ужь не жди того, чтобъ депутата
Тебѣ назначили изъ нашего же брата;
А то какъ явится онъ въ судъ,
То шкуру и съ тебя, да и съ него сдерутъ,
За тѣмъ, что всѣ мы тоже виноваты
И не годимся въ депутаты.

1868 года.

LXXXIV.

БЫКЪ ВЪ СѢТЯХЪ.

Раскинулъ сѣть для птицъ мужикъ;
А вмѣсто птицъ попался въ сѣти Быкъ.
Ну, что тамъ для быка гнилыя нитки эти!
Рванулъ бы ихъ, — и полетѣли бъ сѣти:
Такъ нѣтъ же: нашъ лѣнтяй улегся на сѣтяхъ,
Да и мычитъ: „ну что жь, меня спасетъ Аллахъ;
Вѣдь въ сѣти я попалъ не за свою вину,
Такъ что жь мнѣ хлопотать объ этихъ пустякахъ!
Я жвачку пожую, а можетъ и вздремну.“
— Дремли, дремли, сказалъ Полканъ.
За сѣти-то твоимъ бокамъ
Еще достанется, мой милый;
Ты изорвалъ вѣдь ихъ оплошностью твоей.
А лучше соберись-ка съ силой,
Вставай скорѣй
Да убирайся изъ сѣтей.
Вѣдь хуже будетъ, кумъ, ей-ей,
Когда хозяинъ насъ съ тобою тутъ застанетъ;
Онъ разговаривать не станетъ,
А у лѣниваго быка
Переломаетъ всѣ бока.

Не такъ ли и межъ насъ бываетъ?
Не все жь бѣда внезапно постигаетъ
И въ безъисходное насъ ставитъ положенье.
Надѣяться на Провидѣнье
Конечно, хорошо; но нужно и самимъ
Не спать и не дремать,
И не вытьемъ, а чѣмъ нибудь другимъ
Себѣ въ безгодьѣ помогать.
Вѣдь кто же этого не знаетъ,
Что никогда,
Откуда бъ ни пришла бѣда,
Лѣнтяямъ Богъ не помогаетъ.

1868 года.

LXXXV.

КУРИЦА И КУКУШКА.

„Что ты, хохлаточка, такъ сильно похудѣла?
Спросила Курицу Кукушка.
— И, мать моя! Да мало ли мнѣ дѣла!
Вѣдь жизнь-то-не игрушка:
Хозяйство, дѣти;
А вѣдь заботы эти
Не красятъ никого.
Скажи-ка лучше — отъ чего
Вотъ ты-то похудѣла?.. —
„А мнѣ — то развѣ мало дѣла?
Съ утра до вечера съ сука на сукъ летаю,
Кукую по ночамъ, и вѣчно за собой,
И лѣтомъ и весной,
Поклонниковъ веселыхъ стаю
Изъ сада въ садъ таскаю.
Повѣришь ли, умаюсь такъ,
Что иногда не знаю какъ
И съ силами собраться.
— А дѣти? — „Вотъ еще! Дѣтями заниматься!
Я для себя живу, а не для нихъ;
Довольно и того, что вывела я ихъ!

— Не осуждаю я тебя,
Сказала Курица, прощаючись съ Кукушкой:
Но не сравняю я себя,
Съ такой, какъ ты, пустой болтушкой.
Худѣю я, но для дѣтей;
А ты-то для кого? Для дятловъ и сычей...
Безумная! Они жь тебя потомъ,
Какъ дуру, осмѣютъ,
Прогонятъ со стыдомъ,
И какъ негодницу, забьютъ и заклюютъ.

1868 года.

LXXXVI.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ САПОГИ.

(Посвящается другу и брату моему А. И. А—скому.)

Вчера съ тобой мы спорили до слезъ,
А все таки вопросъ
У насъ остался нерѣшеннымъ.
И ты не убѣдилъ, и я не убѣжденнымъ
Легъ спать.
Поутру я велѣлъ подать
Мнѣ принесенные вчера лишь сапоги.
Красивы, — нечего сказать;
Одна бѣда: не для моей ноги.
Въ подъемахъ узки, пальцы жмутъ,
И нестерпимо пятки трутъ.
Помучился таки я на порядкахъ съ ними,
Съ красивыми сапожками моими;
И наконецъ Никиту я позвалъ,
И такъ ему сказалъ:
„Подай-ка старые мнѣ, братецъ, сапоги,
По крайней мѣрѣ, тѣ не жмутъ моей ноги.“

Какъ думаешь, идетъ ли случай съ сапогами

Къ тому, что стало невзначай
Предметомъ спора между нами?
Чѣмъ хочешь ты меня, мой милый, называй,
А я твержу вчерашнее же слово:
Не все то хорошо, что ново.

1868 года.

LXXXVII.

СѢРКО И ОРЁЛКА.

(*Посвящается г. Г—ву и П—ву.*)

Сѣрко съ Орёлкой въ дружбѣ жили,
Да вѣдь въ какой!
Одну и туже пѣсню выли;
Брехнетъ одинъ, брехнетъ навѣрно и другой.
Кухмистеръ Фалалей
Натѣшиться не могъ на этакихъ друзей.
Да и они жь его любили!
Бывало только Фалалей
Засвищетъ пѣсенку какую,
Они, забывъ собачій нравъ,
Летятъ къ нему стремглавъ
И воютъ вмѣстѣ съ нимъ. На музыку такую
Сердились лишь ближайшіе сосѣди.
Но надобно жь такой бѣдѣ случиться:
Въ какой-то тамъ пріятельской бесѣдѣ
Случилось повару опиться
И окачуриться потомъ.
Честь честью повезли на дрогахъ Фалалея;
За дрогами слѣдомъ,
Кормильца своего жалѣя,

Хвостъ опустивъ, пошли Орёлка и съ Сѣркомъ.
Въ могилу повара, какъ должно, опустили,
Засыпали землей и тризну сотворили.
—А что, Сѣрко, Орёлка говоритъ:
Ужь не повыть ли намъ? — „Повыть!"
—Ну, такъ ужь я сначала. —
„Ну, нѣтъ, братъ, я."
—Да у тебя
И голосу-то мало,
И воешь ты чортъ знаетъ какъ! —
„Да ужь не такъ,
Какъ ты, дуракъ!"
И слово за слово, сцѣпилися друзья,
Хоть въ пору разливать водою.

Мнѣ сказывали, что... не вѣрю, впрочемъ, я...
Что надъ могилою одною
Погрызлись такъ между собою
Отчаянныхъ два прогресиста,
Изъ-за того,
Что будто бы у одного
Вишь оказался зубъ со свистомъ.
Что за смѣшной такой народъ!
Въ могилѣ даже не дастъ
Своей пустою болтовнею
Костямъ умершаго покою!

1868 года.

LXXXVIII.

ПЕСЪ И ЗМѢЯ.

— Ужь ты, пожалуста, молчи,
Такъ говорила Псу Змѣя:
Хоть какъ себѣ ты ни рычи,
А все тебя добрѣе я.
Ты мясо жрешь, — я нѣтъ;
Ты лаешь, я молчу; —
Ты злишься на весь свѣтъ, —
А я со всѣми жить въ согласіи хочу.
Въ глаза всѣмъ не суюсь,
Толкнутъ меня, — не горячусь,
И развѣ какъ нибудь слегка
Кольну иного смѣльчака. —
„Все такъ, голубушка моя,
И мяса ты не ѣшь, не лаешь такъ, какъ я,
И ласкова ко всѣмъ, а все таки — змѣя.“

1868 года.

LXXXIX.

БУЛЬДОГЪ И ВОЛКОДАВЪ.

Наскучило Бульдогу съ Волкодавомъ
Все ссориться и въ непріязни быть;
Задумали они, по разсужденьи здравомъ,
Въ согласіи сердечномъ жить.
А чтобы избѣжать между собою ссоръ,
Постановили уговоръ
Видаться лишь черезъ заборъ.
И вотъ — одинъ съ одной,
Другой съ другой
Забора стороны ложится,
И чуть одинъ изъ нихъ пошевелится, —
Другой тотчасъ же зарычитъ,
И уши навостритъ.
— Ты что тамъ дѣлаешь? вдругъ спроситъ Волкодавъ
Черезъ заборъ Бульдога.
„Да ничего; бокъ правый отлежавъ,
Поворотился я не много.
А ты чего не спишь?"
— Уснешь съ тобой! Ты все рычишь. —
„Ну, братъ, рычишь-то ты, не я."
И часто межъ собой сердечные друзья,

Не затѣвая явной ссоры,
Ведутъ такіе разговоры.
Не знаю, долго ли у нихъ
Протянется согласіе такое:
Но, кажется, что что скоро ихъ
Придется разливать водою.

У каждаго изъ насъ есть на примѣтѣ
Такихъ двѣ націи на свѣтѣ.
Между собой онѣ — сердечные друзья:
Но врядъ ли ошибаюсь я,
Что дружбою своей онѣ походятъ много
На Волкодава и Бульдога.

1868 года.

XC.

ДВА СОСѢДА.

— Куда какъ хорошо, Петровичъ, ты пѣвалъ!
Про черну немочь ли, иль, напримѣръ, про то,
Какъ нашъ какой-то князь Царьградъ завоевалъ.—
„А что,
Ты думаешь, теперь не запою?
А вотъ же запою, и пѣсенку мою
Еще другіе переймутъ,
И мнѣ за то и честь и славу воздадутъ.“
И затянулъ старикъ.
Но голосъ старческій то падалъ, то дрожалъ:
То издавалъ
Болѣзненный какой-то крикъ,
И поминутно обрывался.
Старинушка не унимался,
И продолжалъ все пѣть,
Такъ что со стороны
Жаль было на него смотрѣть.
— Нѣтъ, другъ, Петровичъ; старины,
Сказалъ сосѣдъ, знать не воротишь, братъ.
Лѣтъ сорокъ пять тому назадъ
Пѣвали мы съ тобой;

Теперь же намъ пора и на покой.
Давай-ка вспоминать года свои былые,
Да слушать, какъ поютъ другіе.

Писатель въ шестьдесятъ пять лѣтъ!
Кто бъ ни былъ ты — прозаикъ или поэтъ,
Прими мой дружескій совѣтъ!
Всему на свѣтѣ есть
Своя извѣстная пора,
И что легко плыло
Съ пера,
Что доставляло вамъ читателей и честь,
Теперь ложится тяжело;
И въ вашемъ старческомъ брюзжаньѣ
Лишь слышится одно старанье
Прикрикнуть горячо на пишущій народъ, —
Да голосу не достаетъ.

1868 года.

XCI.

ПРИКАЩИКЪ И МУЖИКИ.

— У, дураки, у, дураки!
Ну, какъ таки Антипкѣ вѣрить?
Онъ все вамъ вретъ, а вы — такіе простаки, —
Его аршиномъ стали мѣрить
Свои домашнія дѣла.
Вѣдь этакая дурь на васъ, друзья, нашла! —
Такъ выговаривалъ прикащикъ мужикамъ
За то, что въ чемъ-то тамъ
Они упорствовать рѣшились.
— Скажите мнѣ, прикащикъ продолжалъ,
Какого толку вы добились
Во всемъ томъ, что Антипка вамъ оралъ?
Вы сами знаете, что онъ въ дѣлахъ нечестенъ
И плутовствомъ своимъ всему селу извѣстенъ;
Ни страха Божьяго, ни отъ людей стыда
Въ немъ нѣтъ и не было малѣйшаго слѣда. —
„Все такъ, Ипатьевичъ, сказали мужики:
Мы сами чувствуемъ, что будто не съ руки
Антипкины намъ рѣчи, да на грѣхъ
Оретъ-то онъ сильнѣе всѣхъ.“

Не только между мужиками,
Случается и между нами,
Что тотъ въ собраніяхъ надъ всѣми верхъ беретъ,
Кто громче всѣхъ оретъ.

1868 года.

XCII.

ОВЦЫ И ВОЛКИ.

Пожаловалась разъ Овца
Волкамъ на волка-наглеца.
Улики ясныя; притомъ всякъ можетъ видѣть,
Что волка ужь овцѣ никакъ нельзя обидѣть.
Но дѣло въ томъ, что судьи — сами волки;
И вотъ пошли межь ними толки,
Что дѣло это какъ нибудь
Такъ надо повернуть,
Чтобъ волка оправдать,
А дерзкую овцу подъ судъ еще отдать.
И повернули,
И оправдали наглеца,
А виноватою осталася овца.

Теперь такіе пули
Едва ли можно отливать;
А прежде, нечего сказать,
Почти всегда бывали волки святы,
А овцы виноваты.

1868 года.

XCIII.

ЛУЖА.

Скопилась лужа отъ дождей,
И потекла потомъ вонючею канавой.
Ну чтожь, и течь бы ужь смирненько ей,
А не гоняться бы за славой.
Такъ нѣтъ; „я, говоритъ она рѣкѣ большой,
„Еще сравняюся съ тобой!
„Ты отъ того и велика
„И глубока,
„Что катишь волны на просторѣ:
„Вотъ дай-ка выбиться и мнѣ,
„Такъ рада будешь ты увидѣть и во снѣ,
„Какъ разольюся я съ сине море.“
И точно, выбилась наружу,
И потекла она широкою волной;
Но обмелѣла такъ, что куры черезъ лужу
Идутъ уже немокрою ногой;
А далѣе все становилась уже
И, наконецъ, совсѣмъ не стало этой лужи.

Вчера я похвальбу такую
Въ одной газеткѣ прочиталъ,
И эту притчу небольшую
Ей въ назиданье написалъ.

1868 года.

XCIV.

БУЛЬДОГЪ.

Въ давно былыя времена,
Лѣтъ этакъ за десять назадъ,
Когда на трудъ была ничтожная цѣна,
И говорятъ,
Почти все было даромъ,
Когда крестьянинъ былъ товаромъ,
Когда законы лишь писались,
И никогда не исполнялись,
Когда былъ живъ таможенный уставъ
И сильный завсегда былъ правъ, —
Въ то время вздумалось какимъ-то господамъ,
Не знаю — почему ужь тамъ,
Затѣять травлю на волковъ.
Собрали ихъ штукъ двадцать изъ лѣсовъ,
И въ день назначенный пустили съ ними въ драку
Бульдога, вѣрную собаку.
Бульдогъ себя не посрамилъ
И не далъ маху:
Онъ нѣсколько волковъ передушилъ,
Другимъ такого задалъ страху,
Что сѣрые, забившись по угламъ,

10

Со зла лишь щелкали зубами.
Конечно, и бокамъ
Бульдога кое-что досталось; вѣдь съ волками,
Не то что съ курами въ насѣсти воевать:
Пришлось Бульдогу отдыхать
Таки не мало отъ побѣды.
А между тѣмъ у барина содомъ:
Пиры, обѣды
Идутъ обычнымъ чередомъ;
И хоть одинъ бы гость
Припомнилъ бѣднаго Бульдога,
И бросилъ бы ему обглоданную кость.

Читатель, не суди ты строго
Ни барина, и ни гостей его!
Мы всѣ ужь таковы: кто нуженъ намъ, того
Мы на рукахъ чуть-чуть не носимъ,
А тамъ забудемъ да и бросимъ.

1868 года.

XCV.

ЛИСИЦА И ГОЛОДНЫЕ ВОЛКИ.

— Что, мать моя, бѣда! Ѣсть нечего, хоть вой!
Такъ жаловался Волкъ Лисицѣ:
Вчера и косточкой одной
Нигдѣ не могъ я поживиться.
Теперь не знаю, какъ и быть,
Приходится хоть удавиться. —
„Вотъ есть изъ-за чего тутъ выть!
Лисица молвила. Что дашь? Секретъ открою.“
— Всемъ подѣлюсь, сказалъ ей Волкъ, кума, съ тобою! —
„Ну, хорошо жь. Пиши прошеніе на пса;
Сказала бойкая Лиса.
— За что? — „Да такъ; пиши что онъ тебя обидѣлъ.“
— Ну, вотъ еще! Да онъ нигдѣ меня не видѣлъ! —
„Такъ что жь? Пиши, что волкомъ называлъ;
Мою — дескать обидѣлъ честь.“
— Да хоть и такъ бы онъ сказалъ,
Что жь въ этомъ? Я вѣдь волкъ и есть. —
„Что за нужда! Теперь у насъ суды такіе,
Что за грѣхи большіе —
Ограбишь ли кого, зарѣжешь иль убьешь,
Ужь непремѣнно оправдаютъ;

10*

А если вора ты да воромъ назовешь,
Въ тюрьму за это, кумъ, сажаютъ."
— Да мнѣ-то что же отъ того,
Что будетъ песъ сидѣть въ тюрьмѣ? —
„Не понимаешь ты, я вижу, ничего!
Повѣрь ты мнѣ,
Что песъ, не говоря ни слова,
Чтобъ избѣжать такой бѣды,
Тотчасъ же дастъ намъ отступнова,
Вотъ, значитъ, кумъ, и съ хлѣбомъ ты."

Лисица вретъ: не только межь звѣрьми,
Но даже межь людьми
Суды
Такіе не бываютъ;
А что лисицъ сутягъ,
При нынѣшнихъ судахъ,
Толпами цѣлыми встрѣчаютъ, —
Объ этомъ всѣ теперь ужь знаютъ.

1868 года.

XCVI.

МАРЬЁНЕТКИ.

Вчера
Мои малютки-дѣтки
Глядѣли изъ окна, какъ посреди двора
Комедію ломали марьёнетки.
Что шуму-то, что шуму было!
— Гляди, папа, Матошенька вопила:
Вѣдь это генералъ!
„А вонъ другой! Сереженька кричалъ.
А это кто жь такой въ пиджакѣ,
Что всѣхъ другихъ задорнѣй въ дракѣ?“
— То, милый мой, паяцъ, ему я отвѣчалъ.
— А этотъ, какъ, сюда попалъ?
Мужикъ, какъ есть мужикъ,
А генераловъ задѣваетъ!
„Да что у нихъ, папа, за крикъ?
Кого изъ нихъ кто обижаетъ?“
— Не знаю, милый мой.
За ширмою вонъ той
Сидитъ искусникъ; онъ-то ихъ,

Послушныхъ куколокъ своихъ,
Самъ спрятавшись, толкаетъ,
И драться заставляетъ.

Не тоже ли и въ обществахъ бываетъ?
Дерутся, ссорятся, а между тѣмъ того,
Кто ими заправляетъ,
Кто главною причиною всего,
Никто почти не замѣчаетъ.

1868 года.

XCVII.

ЛЕВЪ И ВОЛКИ.

Извѣстно, что споконъ-вѣковъ
Всегда къ овцамъ хорошихъ псовъ
Сторожевыми выбирали.
Ихъ съ дѣтства ужь къ тому подготовляли;
Учили узнавать волковъ
И не бояться ихъ зубовъ.
Вдругъ вздумалось волкамъ подать ко Льву прошенье,
Чтобъ сдѣлалъ онъ распоряженье,
Сторожевыми, вмѣсто псовъ,
Впередъ къ овцамъ опредѣлять волковъ.
У насъ-дескать и зубы есть,
И норовъ весь собачій;
Да насъ и потому псамъ должно предпочесть,
Что сами мы-народъ бродячій;
По дебрямъ и лѣсамъ гуляемъ,
И волчьи всѣ уловки знаемъ.
—Все это такъ, друзья,
Отвѣтилъ Левъ волкамъ:
Что вы — бродяги, это я
Давно ужь знаю самъ.
Но знаю то еще, что будьте вы,

От̀ъ ногъ до головы,
Пожалуй, хоть въ овечьей шкурѣ,
А по своей натурѣ,
Всегда останетесь волками,
И потому между овцами
Вамъ мѣста нѣтъ и быть не можетъ. —

Меня ужасно мысль тревожитъ,
Чтобъ басенку мою какой нибудь уродъ
Не принялъ на свой счетъ,
Тѣмъ болѣе, что ходятъ толки,
Что будто и межь насъ такіе же есть волки.

1868 года.

XCVIII.

РАКЪ.

„Глядите, ракъ-то ракъ!
Какъ ползаетъ, чудакъ!
Кричали, бѣгая по берегу рѣки,
Мальчишки-дураки.
Идетъ-то онъ, идетъ,
Да задомъ напередъ.“
— Любезные, сказалъ имъ Ракъ:
Положимъ, я хожу не такъ,
Какъ ходите всѣ вы;
Но головы
Моей вѣдь вамъ не видно?
Такъ какъ же вамъ не стыдно
Кричать, что я ходить вишь не умѣю?
Вы хвостъ мой приняли за шею.

Вотъ такъ-то иногда отсталыми зовутъ
Мальчишки-критики не имъ чета людей,
Которые не такъ дѣла свои ведутъ,
Какъ хочется толпѣ заносчивыхъ вралей.

Имъ кажется, что передъ ними
Сталъ человѣкъ во весь свой ростъ;
А онъ, шутя съ ребятами такими,
Имъ, вмѣсто головы, показываетъ хвостъ.

1868 года.

XCIX.

ЗЕРКАЛО.

Въ одной изъ галлерей Гостинаго двора
Стояло зеркало большое,
И отражалась въ немъ игра
Сновавшихъ густою толпою.
Кажись, за что бы тутъ на зеркало пѣнять?
Оно лишь можетъ отражать,
А ужь никакъ не создавать.
Такъ нѣтъ, нашлись же господа такіе,
Что стали зеркало ругать.
Прошли двѣ барыни, двѣ муміи живыя,
Въ почтенныхъ ужь лѣтахъ,
Но словно дѣвочки, разряженныя въ прахъ,
Въ нашлёпкахъ крошечныхъ и въ накладныхъ косахъ;
Взглянули въ зеркало, и съ гнѣвомъ отвернулись.
За ними вслѣдъ два старичка столкнулись,
И позабывъ, что двумъ имъ полтораста лѣтъ,
Пустились толковать про завтрашній балетъ;
Но вдругъ одинъ изъ нихъ, похожій на скелетъ,
Отъ сладострастья чуть не воя,

Увидѣлъ въ зеркалѣ не знаю что такое;
И, плюнувъ, отошелъ съ товарищемъ своимъ.
— За что вы, господа, такъ на меня сердитесь?
Сказало Зеркало вслѣдъ имъ:
Не нравится, — такъ не глядитесь!

1868 года.

ОТГОЛОСКИ.

ЗАМОРСКИМЪ ВИТІЯМЪ.

Ну, что болтливые витіи,
Печальной доли вѣщуны?
Сбылись ли, ко вреду Россіи,
Погибельные ваши сны?
Грозившіе бѣдою ваши крики
Смутили ль хоть на краткій мигъ
Духъ мощный русскаго Владыки?
Поникъ ли Онъ главой вѣнчанною отъ нихъ?
Робѣя сами предъ тревогой,
Вы думали, что русскій крестъ
Поникнетъ предъ луной двурогой,
Не отстоитъ священныхъ мѣстъ,
Христа врагами оскверненныхъ;
Вы думали, что нѣтъ уже у насъ
Вождей, въ побѣдѣ неизмѣнныхъ,
Что духъ Суворова угасъ
Въ полкахъ покорныхъ и смиренныхъ:
Такъ знайте же, безумные витіи,
Печальной доли вѣщуны,
Что въ нашей матушкѣ Россіи
Все тѣ же вѣрные сыны,
Все тѣ же прадѣдовъ непобѣдимыхъ внуки,
Предъ коими палъ Измаилъ,
Которые багрили руки

Въ крови мятежническихъ силъ,
Которые смирили Прагу
И буйной вольности разгулъ,
И янычарскую отвагу,
И кровью залили Кагулъ,
Которые нашъ русскій флагъ
Въ бою чесменскомъ окрестили
И будущимъ врагамъ на страхъ
Безсмертной славою повили.

Не знали вы, и мы не знали,
Героевъ брани и вождей:
Судьба ихъ вызвала, и стали
Они опорою родной земли своей.
Довѣрчиво мы обращали взоры
На нашего Богатыря,
И раздражали насъ пустые наговоры
На огорченнаго Царя.
Вы думали, что нашъ Великій
Не сыщетъ вѣрныхъ слугъ себѣ,
И что передъ толпою дикой
Въ неравной упадетъ борьбѣ;
Такъ вотъ же вамъ! Героевъ
Досель въ невѣдомыхъ вождяхъ
Мы кажемъ вамъ, и русскихъ строевъ
Не обымалъ постыдный страхъ...
Скажите, гдѣ толпы враговъ,
Ступившія на брегъ Дуная?
Гдѣ магометовыхъ сыновъ
Та фанатическая стая?
Гдѣ ужасъ и гроза морей,
Несокрушимая преграда
На диво созданныхъ судовъ и кораблей
Непобѣдимая армада?...

Но вы грозите намъ врагами
Сильнѣй ничтожныхъ мусульманъ;
Грозите войскомъ, кораблями
Враждебныхъ намъ, крещеныхъ странъ.
И что жь вы мыслите? Уже ли
Нашъ богатырскій, русскій штыкъ
Въ дугу согнется? И землѣ ли,
Землѣ ли русской новъ и дикъ
Вопль непріязненный кичливыхъ иноземцевъ?
Мы слышали его, когда спасли
Недавно безталанныхъ нѣмцевъ;
Мы слышали, когда отцы наши легли
Побѣдоносными костями
На полѣ бранномъ за чужихъ.
Мы слышали... да что пугать насъ такъ врагами!
Ну, гдѣ они? Давайте ихъ!...
Не эти ли бездомные бродяги,
Отребіе крамольныхъ странъ,
Безумной полные отваги
Заступятъ слабыхъ мусульманъ?
Не эти ли, торговцы записные
Всесвѣтные пройдохи и купцы?
Не эти ль рыцари шальные
Сегодня умники, а черезъ день глупцы?...

Мы ихъ не трогаемъ, но если въ ослѣпленьи
Они поднимутся на насъ,
Съ надеждою на Провидѣнье
Не испугаемся мы васъ.
Мы повторимъ Бородино предъ вами,
Гордыни вашей сломимъ рогъ,
И встрѣтимъ васъ словами:
«На начинающаго Богъ!»

Святая Русь! Мужайся и крѣпись,
Благословенный Богомъ край!
Въ твоихъ предѣлахъ родились
Великій Петръ и Николай!

1854 года.

ВСТРѢЧА ОПОЛЧЕНЦЕВЪ ВЪ КІЕВѢ.

Богъ вамъ въ помочь, молодцы,
Русская дружина,
Двоеглаваго птенцы,
Дѣти Исполина!

На молитву же, друзья!
Кіевъ передъ вами!
Вотъ отсюда-то земля
Закипѣла нами.

Вотъ отсюда-то пошли
Русскія дружины,
Воспитались и взросли
Дѣти-исполины.

Это нашъ Ерусалимъ,
Нашъ Сіонъ священный;
Промчались вѣка надъ нимъ,
А онъ все нетлѣнный.

Каждый шагъ тутъ освященъ
Чудными дѣлами:
Здѣсь легли на долгій сонъ
Прадѣды костями.

Тутъ воители Древлянъ,
Кара Печенѣга,
И краса былыхъ Славянъ —
Воины Олега.

Вотъ онъ Днѣпръ, тотъ самый Днѣпръ,
Гдѣ вся Русь крестилась,
И по милости судебъ
Гдѣ она омылась.

Вотъ тѣ горы, гдѣ Андрей
Крестъ воздвигъ спасенья,
И изрекъ Россіи всей
Онъ благословенье.

А взгляните, — на горѣ,
Кто васъ ожидаетъ?
Очи подняты горѣ,
Крестъ въ рукѣ сіяетъ.

Это князь-христіанинъ,
Нашъ Владиміръ славный,
Православной Церкви сынъ,
Мощный и державный;

Это онъ великій мужъ,
Руси просвѣтитель,
Обновитель многихъ душъ,
Нашъ Иванъ-Креститель.

На молитву, молодцы,
Лавра здѣсь святая;
Тамъ нетлѣнно спятъ отцы,
Русь имъ мать родная!

Не чужда имъ наша брань
За святую вѣру,
И грозитъ ихъ мощна длань
Турку-изувѣру.

И Владимiръ со врагомъ
Биться вамъ поможетъ,
Побѣдительнымъ крестомъ
Онъ ихъ всѣхъ низложитъ!

Богъ вамъ въ помочь, молодцы,
Русская дружина,
Двоеглаваго птенцы,
Дѣти Исполина!

1854 года.

ТѢНИ НАПОЛЕОНА I.

Вставай, гигантъ, вставай атлетъ!
И повтори свои проклятья!
Отверженъ крѣпкій твой завѣтъ,
Простерты ко врагу объятья!

Къ тому врагу, что такъ тебя
Преслѣдовалъ безсильной злобой,
И честь и совѣсть погубя,
Который мстилъ тебѣ до гроба!

Ты передъ нами былъ неправъ,
Но Богъ тебѣ Судьей да будетъ!
Онъ Самъ низвергъ тебя во прахъ,
Пускай же Онъ тебя и судитъ.

Мы тѣнь не оскорбимъ твою;
Ты съ нами честно потягался
Въ открытомъ и прямомъ бою,
И брани низкой ты чуждался.

Ты благородно намъ отдалъ,
Въ тоскѣ поноснаго изгнанья
Честь должную, когда писалъ
Свои безсмертныя сказанья.

Но вѣроломныхъ англичанъ
Казнилъ ты праведнымъ презрѣньемъ,
И съ клятвой смертной завѣщалъ
Потомству вѣчное имъ мщенье.

Многообъемлющимъ умомъ
Ты ясно козни ихъ постигнулъ,
И побороться со врагомъ
Европу было всю подвигнулъ.

Смотри же, мы, враги твои,
Идемъ противъ искаріотовъ,
Идемъ безъ помощи, одни,
Противу воинствъ ихъ и флотовъ,

Постыдно ставшихъ противъ насъ
Подъ стягомъ чуждымъ лжепророка!
Проснись, гигантъ, хотя на часъ,
Не пожалѣй еще упрека,

Кому ты все одинъ лишь далъ,
Кто осіянъ твоею славой,
Кого на царство ты вѣнчалъ
И славной подарилъ державой!

Скажи ему про нашъ народъ,
Каковъ онъ предъ кровавой битвой,
Когда Отечество зоветъ
Его съ крестомъ святымъ, молитвой!

Когда онъ, мужествомъ горя,
Идетъ съ мечемъ на брань святую,
И, царскій тронъ боготворя,
Спѣшитъ спасать страну родную.

Скажи ему, да не идутъ
Твои соотчичи и братья
Подъ неизбѣжный Божій судъ
И тяжесть твоего проклятья!...

1854 года.

ЛЕДЮКУ И ЕГО КЛЕВРЕТАМЪ (*).

Безсильной зависти послушны,
Насъ вдоль и поперегъ бранятъ;
Мы остаемся равнодушны
И говоримъ: «пускай кричатъ!
Пускай ихъ, какъ собаки, лаютъ!
Своей безсильною брехней
Они отнюдь не помѣшаютъ
Идти намъ твердою ногой!»
Прекрасно и великодушно,
Что противъ этого сказать!
Но можно ль слышать равнодушно,
Когда у насъ хотятъ отнять
И честь, и славу боевую,
Когда обидной болтовней,
Передъ обманутой землей,
Мараютъ нашу Русь родную?...

Весь знаетъ міръ, какой кровавой
Дорогою Россія шла,
Пока она себѣ со славой

(*) Ледюкъ (Leduc) въ 1853 году издалъ въ Парижѣ памфлетъ, наполненный всевозможными клеветами на Россію и преимущественно желалъ представить ее ничтожною и слабосильною на полѣ брани. Всякую побѣду Русскихъ онъ объяснялъ тѣмъ, что «имъ помогали».

Въ державахъ мѣсто заняла.
Весь знаетъ міръ, какія битвы
Она потомъ несла одна,
Какъ силой вѣры и молитвы
Не разъ бывала спасена.
Весь знаетъ міръ.... но лишь не знаютъ
Того безстыдные лгуны,
И какъ голодные псы лаютъ
На Православную они.
Напрасно въ уши имъ кричатъ
Бытописанія скрижали, —
Они, упорствуя, твердятъ:
«То не они, имъ помогали!»

Въ давнобылыя времена,
Когда дружины Печенѣга
И Половецки племена,
При кликахъ браннаго набѣга,
На Русь стремилися ордой,
И колыбель ея святую
Хотѣли дерзкою рукой
Разбить въ куски: тогда родную
Кормилицу свою и мать
Вставали дѣти защищать.
И нашу колыбель святую
Никто не могъ поколебать.
Тогда герои-Святославы
Держали рѣчь къ своимъ полкамъ;
Не уступая русской славы
Враговъ безчисленнымъ ордамъ,
Костьми ложились всѣ подъ рядъ,
Но самобытность отстояли....
И что жь, — теперь намъ говорятъ:
«То не они, имъ помогали!»

Когда растлѣнной Византіи
Угасла яркая звѣзда,
И крестъ на куполѣ Софіи
Сталъ колебаться, — мы тогда
Съ Олегомъ вѣщимъ подходили
Царьграда гордаго къ стѣнамъ,
И въ знакъ побѣды щитъ прибили
Къ его развѣнчаннымъ вратамъ.
Какъ грозны мы, какъ сильны мы —
Объ этомъ всѣ тогда узнали;
А нынѣ намъ вопятъ лгуны:
«То вишь не мы, намъ помогали».

Была пора: татаринъ злой
Два вѣка Русь въ плѣну держалъ,
И предъ Ордою Золотой
Нашъ князь главу свою склонялъ.
Въ смиреньи кроткомъ Русь несла
Отъ Бога посланное иго,
И въ тѣло больно ей вросла
Татаръ желѣзная верига.
Но совершился Божій судъ:
Герой Донской разбилъ Мамая,
И ослабѣлъ желѣзный путъ,
И поднялася Русь святая.
Стряхнула цѣпи съ рукъ долой,
Схватила мечъ, давно забытый,
И побѣжалъ татаринъ злой,
Своею плѣнницей разбитый....
Міръ изумленный восплескалъ
Тогда, какъ мы торжествовали;
А нынѣ онъ же закричалъ:
«То вѣдь не вы, вамъ помогали!»

Бичъ Божій, варваръ и губитель,
Въ тафьѣ монашеской тиранъ,
И подданныхъ своихъ мучитель
Явился Грозный Іоаннъ.
Онъ, рѣки крови проливая,
Русь нашу добрую пыталъ:
Но Русскій, въ пыткахъ изнывая,
Цареву руку лобызалъ;
Прощалъ безумству, изступленью,
И радовался всей душой
Погибели и истребленью
Злодѣевъ родины святой.
Онъ видѣлъ лишь, какъ исчезала
Орда безбожныхъ агарянъ,
И какъ въ кровавой сѣчѣ пала
Притонъ разбойничій — Казань.
Онъ видѣлъ, что Европѣ гордой
Сказался Руси господинъ,
Неумолимый, грозный, твердый,
Самодержавный властелинъ.
Онъ видѣлъ, — видѣлъ то и міръ,
И, ужасаемый тиранствомъ,
Все жь русскаго царя хвалилъ
И назвалъ Русь великимъ царствомъ.
Никто не смѣлъ тогда сказать,
Что Астрахань съ Казанью взяли
Не мы; теперь же всѣ кричатъ:
«То не они, имъ помогали!»

Послалъ Господь на Русь потомъ
Неслыханное искушенье,
И на престолѣ на своемъ
Она узрѣла преступленье.
Богатъ умомъ былъ и великъ

Взошедшій на престолъ пронырствомъ,
Но омраченъ былъ царскій ликъ
Предательскимъ цареубійствомъ.
Внушая страхъ Руси собой,
Онъ самъ всегда дрожалъ отъ страха,
И тяжела ему порой
Казалась шапка Мономаха....
Внезапно сорванъ былъ вѣнецъ
Бориса съ головы преступной,
И на престолѣ сѣлъ бѣглецъ
Разстрига, царь богоотступный.
Онъ ввелъ въ Россію поляка
Съ его ничтожною гордыней,
И завладѣла ихъ рука
Кремля завѣтною святыней....
Стонала Русь; и Богъ одинъ
Спасти ее могъ въ ту годину!
И спасъ. Незнатный гражданинъ
Привелъ избранную дружину,
Прогналъ съ безчестьемъ поляковъ,
Разсѣялъ скопища ихъ прахомъ,
И поразилъ сердца враговъ
Великимъ трепетомъ и страхомъ....
Опять возстала наша Русь,
Опять возстала наша сила!
Скрѣпился нашъ родной союзъ:
Въ цари намъ Богъ далъ Михаила!
Тогда завистливой душой
На насъ взиравшія державы
Склонились гордою главой
Предъ ореоломъ нашей славы.
Дары почетные несли,
Побѣды наши величали;

А нынѣ намъ жужжатъ шмели:
«То все не вы, вамъ помогали!»

Вы помните ли паладина,
Европы изумленной страхъ,
Страны полночной властелина,
Несокрушимаго въ бояхъ?
Вы слышали ль когда про встрѣчу
Героя шведскаго съ Петромъ,
Про ихъ отчаянную сѣчу
На полѣ, кровью залитомъ?
Видали ль вы вблизи Полтавы
Высокій подъ крестомъ курганъ,
Свидѣтель вѣковѣчной славы
Побѣдоносныхъ россіянъ?...
Когда съ громами устремился
На насъ полночный паладинъ, —
Къ кому съ поклономъ обратился
Нашъ чудотворецъ — исполинъ?
Одинъ, одинъ, какъ Божій воинъ,
Напереди своихъ дружинъ,
Безстрашенъ, грозенъ и спокоенъ
Стоялъ вѣнчанный исполинъ...
И разгромленный, побѣжденный,
Дотоль непобѣдимый Карлъ,
Своею кровью обагренный,
Постыдно съ поля убѣжалъ.
Записана побѣда та
Бытописанія въ скрижали:
Неужели жь нѣтъ у васъ стыда
Твердить еще: «намъ помогали?»

А славный вѣкъ Екатерины,
Вѣкъ изумительныхъ побѣдъ,

Ужель не понялъ и донынѣ
Враждующій противъ насъ свѣтъ?
Гдѣ вы найдете что нибудь
Подобное Кагула бою,
Гдѣ русская одна лишь грудь
Стояла каменной стѣною
Передъ многочисленной толпою?
Сравнится ли вашъ Абукиръ,
Иль самый Трафальгаръ съ Чесмою,
Гдѣ въ первый разъ смущенный міръ
Увидѣлъ нашъ побѣдный флагъ,
Не бывшій до тѣхъ поръ въ моряхъ?
Кто былъ, скажите намъ, у васъ
Нигдѣ, никѣмъ непобѣдимый,
Какъ былъ не такъ давно у насъ,
Солдата батюшка родимый,
Спаситель царствій и царей,
Рѣшитель межнародныхъ споровъ,
Весь русскій, всей душой своей,
Нашъ чудо-богатырь Суворовъ?...
Кто помогалъ ему въ Рымникѣ?
Чьи съ русскими мѣшались клики,
Когда французовъ онъ громилъ?
Кто сокрушилъ съ нимъ Измаилъ?
Кто Прагу буйную смирилъ?
Кто пособилъ ему унять
Мятежнаго конфедерата?
Къ кому пришла ключи отдать
Варшава, ужасомъ объята?...
Да Боже мой! Нѣтъ силъ изчислить
Екатерининскихъ побѣдъ!
И какъ же только смѣть помыслить,
Что славы бранной съ нами нѣтъ,

Что сами мы не воевали,
А намъ другіе помогали?...

Безстыдные! Давно ль колоссъ,
Невиданный дотолѣ міромъ,
Мечемъ и силою угрозъ
Склонялъ васъ предъ своимъ кумиромъ,
Повитымъ пламенемъ войны?
Давно ль невольничьяго ига
На васъ, мятежные сыны,
Лежала тяжкая верига?
Давно ли въ Дрезденѣ былъ сборъ,
Постыдный сборъ всѣхъ главъ вѣнчанныхъ,
Гдѣ ожидали приговоръ
Они себѣ подъ барабаны?
Давно ли Вѣна и Берлинъ
Несли ему покорно дани,
И самъ владычественный Римъ
Шелъ вмѣстѣ съ папою своимъ
За полученьемъ приказаній?
Давно ли въ гордости безумной
Онъ гналъ васъ предъ собой на бой,
И шли вы къ намъ толпою шумной
Всеразрушающей ордой?...
И что же, — устрашили ль насъ
Когорты двадцати народовъ?
Сробѣли ль мы хотя на часъ
Отъ Бонапартовскихъ походовъ?
Кто помощь намъ тогда подалъ?
Къ кому за ней мы обратились?
Кто даже намъ добра желалъ,
Когда мы подъ Смоленскомъ бились?
Кровавое Бородино,
Гдѣ Русь съ Европою столкнулась,

Не вашей кровію оно,
А нашей русской захлебнулось.
Не Вѣну же и не Берлинъ,
А нашу мать-Москву родную,
Зажгли мы, какъ костеръ одинъ,
Спасая родину святую.
И, дымомъ окуривъ гостей,
Мы сами проводы начали,
И много послѣ ихъ костей
Въ сырую землю мы поклали.
Тогда-то, какъ ужь безъ когтей
Остался левъ тотъ послѣ драки,
Явились съ помощью своей
И вы, великіе вояки;
И съ торжествующимъ челомъ
Пошли въ Парижъ на новоселье,
Въ чужомъ пиру, чужимъ виномъ
Отпраздновать свое похмѣлье.
Безстыжіе глаза смѣживъ,
За мѣсяцъ, съ нами вы дралися,
А послѣ, въ чаяньи поживъ,
Союзниками назвалися,
И закричали, что безъ васъ
Пробилъ бы нашъ послѣдній часъ,
Что Ватерлоо развѣнчало
Непобѣдимаго въ бояхъ,
Что царство русское бы пало
Безъ вашей помощи во прахъ....
Безсовѣстные хвастуны!
Вы подъ пятой колосса были,
Но повалили его мы,
А вы лежачаго добили....

Смотри сюда, Ледюкъ болтунъ:

Вотъ персіанинъ предъ тобою, —
Спроси его, безстыдный лгунъ,
Кто громоносною рукою
Его толпы разсѣявалъ?
Съ повинной головой и данью
Къ кому онъ робко приступалъ,
И поплатился Эриванью?
Вотъ турокъ, слабою рукою
Дерзавшій мечъ поднять на насъ, —
Спроси его: предъ кѣмъ онъ съ бою
Разбитый бѣгалъ всякій разъ?
Кто овладѣлъ твердыней Варны?
Кто, семиверстною стопой,
Перешагнулъ черезъ Балканы
И предъ Стамбуломъ сталъ грозой?
А вонъ мятежная Варшава,
Крамольныхъ скопище сыновъ,
Предъ кѣмъ ея поникла слава
Въ борьбѣ семейной, но кровавой?
Кто былъ тогда для насъ готовъ
Пожертвовать хоть каплей крови?
И съ кѣмъ вступали мы въ союзъ
Унять мятежъ уже не новый?
Не сѣялъ ли тогда французъ
И англичанинъ въ Польшѣ буйной
Измѣны, злобы безразсудной?...

Умолкните жь, враги Россіи,
Лжецы, глашатаи крамолъ,
Неугомонные витіи,
Сѣятели кровавыхъ золъ?
Не уронить вамъ нашей чести
И славы бранной не отнять.
Подъ шопотъ лишь безсильной мести,

Вы силитесь провозглашать
Такія небылицы въ лицахъ.
Исторія въ своихъ страницахъ
Насъ оправдаетъ отъ клеветъ,
И весь тогда познаетъ свѣтъ,
Чѣмъ были мы во время оно,
Что дѣлали для васъ самихъ,
Враговъ порядка и закона,
Неблагодарныхъ и пустыхъ!
Исторія всѣмъ внятно скажетъ,
Что̀ дѣлаемъ и нынѣ мы,
И съ отвращеніемъ укажетъ
На васъ, защитниковъ Луны....

1854 года.

АНГЛІИ, СОЮЗНИЦѢ ТУРЦІИ.

Какъ вамъ, тетенька, не стыдно,
Турку ручку подавать!
Гдѣжь таки на свѣтѣ видно,
Чтобъ съ холопомъ танцовать?
Турки — что твои медвѣди,
Лапы грязныя у нихъ:
Какъ же можно, чтобы леди
Сэровъ выбрала такихъ!
Вѣрьте, тетенька, что турка
Вамъ надѣлаетъ хлопотъ:
Танцовать съ нимъ — просто мука,
Онъ и въ тактъ не попадетъ.
Ужь на что у насъ музыка,
Лучше въ свѣтѣ не сыскать:
Пушки тактъ даютъ, а пика
Кажетъ всякому, гдѣ стать;
Капельмейстеры — на диво,
Музыканты — на подборъ;
Заиграютъ, — такъ ретиво
Такъ и рвется на просторъ.
Но подите-жь съ безтолковымъ:
Ты кричишь ему: «вотъ такъ!»
А онъ претъ, бритоголовый,
Вовсе въ сторону, дуракъ.
Вонъ, примѣромъ, подъ Кагуломъ,

12*

Аль въ Рымникѣ — срамъ сказать!
Перепуталъ всѣ фигуры,
И давай потомъ бѣжать.
Да еще тогда, по счастью,
Дамы не было при немъ:
Что же, если, по несчастью,
Въ танецъ онъ пойдетъ вдвоемъ?..
Вамъ бы, тетенька, немножко
Пораздумать бы о томъ, —
Ну, какъ онъ вамъ этакъ ножку
Да отдавитъ каблукомъ?
Али бальное вамъ платье
Сзади вовсе оборветъ,
И при публикѣ въ объятья
Сгоряча къ себѣ прижметъ?
Онъ вѣдь турка; шутки плохи,
Если онъ въ азартъ войдетъ,
Не помогутъ ахи, охи, —
Осрамитъ на весь народъ!..
Какъ себѣ хотите, право,
А подумайте-ка вы:
Что нибудь да значитъ слава,
Рѣчь досужая молвы.
Срамъ послушать, что сосѣди
Потихоньку говорятъ:
«Вишь ты-дескать наша леди
Какъ изволитъ поступать!
Съ туркомъ дружбу завязала,
Перешептывается съ нимъ,
И подъ ручку загуляла
По дорожкамъ столбовымъ.»

Тетенька! ей-ей же стыдно
Честь свою такъ не беречь!

Хоть, быть можетъ, и обидна
Вамъ моя такая рѣчь;
Да нельзя же, дорогая, —
Слава добрая лежитъ,
А недобрая, дурная
По дорожкѣ вѣдь бѣжитъ.

1854 года.

БОЕВАЯ ТРИЗНА.

Смолкло эхо боевое,
Дымъ исчезъ пороховой;
Жертвы яростнаго боя
Вижу я передъ собой.

Надъ бездушными тѣлами
Пастырь церкви со крестомъ,
Убѣленный сѣдинами,
Погребальный чтетъ псаломъ;
И горѣ подъемля очи,
Ожемчуженны слезой,
Онъ поетъ сынамъ полночи:
Со святыми упокой.
А кругомъ, склонясь главами,
Братья ратные стоятъ,
И засохшими устами
Миръ отшедшимъ говорятъ.

Благодатна падшихъ доля!
Благодатенъ ихъ покой!
Не за блага міра споря,
Не за славы блескъ пустой,
Не изъ злобы, не изъ мести,
А за миръ родной земли,
За ея охрану чести
Братья трупами легли!

Домъ Владычицы небесной,
Вѣры истинной кивотъ,
Царскій тронъ, намъ всѣмъ любезный,
Защищая, свой животъ
Христіански положили,
И какъ шли они на бой,
Осѣнившись крестной силой
Да молитвою святой,
Такъ и мертвыя сложили
Руки хладныя крестомъ....

Память вѣчная вамъ, братья,
Рай небесный со Христомъ!
Простираетъ къ вамъ объятья
Ангеловъ побѣдный сонмъ!
Вѣримъ, братья, несомнѣнно,
Что небесный нашъ Отецъ
Дастъ покой вамъ вожделѣнный,
Мученическій вѣнецъ!...

Надъ бездушными тѣлами,
Наклонясь, стоитъ мулла,
И дрожащими устами
Произноситъ онъ Алла.
И сулитъ онъ наслажденье
Въ недовѣдомыхъ странахъ:
Сладострастья упоенье,
Гурій юныхъ въ небесахъ.
Все для тѣла; духу жь пищи
Не даетъ онъ никакой....
Вѣрой истинной самъ нищій,
Дастъ ли онъ душѣ покой?

Но, поникнувъ головами,
Магометовы сыны

Повторяютъ за муллами
Сумазбродные тѣ сны,
Что въ страницахъ алкорана —
Жалкомъ кодексѣ обмана —
Сумасшедшій ихъ пророкъ
Святотатственно изрекъ.
Вѣря сердцемъ заблужденью,
Обольщенные душой
Всежь находятъ утѣшенье
Въ вѣрѣ ложной и пустой;
Все же имъ та вѣра свѣтитъ,
Какъ мелькающій фаросъ,
И хоть какъ нибудь отвѣтитъ
На тревожный ихъ вопросъ...
И полны невѣрной думы,
Магометовы сыны
Идутъ мрачны и угрюмы,
Злой тоской удручены;
И безплоднымъ фатализмомъ
Успокоивая страхъ,
Поспѣшаютъ съ фанатизмомъ
Пасть съ оружіемъ въ рукахъ.

Надъ бездушными тѣлами
Хищный воронъ поднялся,
И далече за холмами
Раздалися голоса,
Полные безумныхъ оргій,
Клики буйства, удальства,
Пьяныхъ ратниковъ восторги
И хуленье Божества.
Это празднуется тризна
Положившимъ жизнь въ бою;
Это имъ постъ отчизна

Пѣснь послѣднюю свою....
Утѣшайтесь, падшихъ тѣни,
Въ міръ надзвѣздный уносясь!
Вмѣсто искреннихъ моленій,
Провожаютъ братья васъ
Грѣшнымъ ропотомъ проклятій,
Вопіющихъ до небесъ,
И въ рядахъ безумныхъ братій
Слѣдъ навѣки вашъ исчезъ!
Не увидятъ агаряне,
Проходя сіи мѣста,
На насыпанномъ курганѣ
Надмогильнаго креста.
Спросятъ дальніе потомки:
Чей въ курганѣ прахъ зарытъ?
И оружія обломки
Станутъ бережно хранить.
Но обломки имъ не скажутъ
Правды сущей въ наши дни,
И курганы не укажутъ
Кѣмъ насыпаны они....
Прорекутъ тогда скрижали
Имъ исторіи земли,
Что курганы эти встали
Надъ сынами, что̀ легли
Въ битвѣ жалкой и безславной,
Подъ защитой сатаны,
Противъ Вѣры православной
И подъ знаменемъ Луны.
Прорекутъ тогда скрижали
Про безстыднѣйшій союзъ,
Какъ съ Османомъ рядомъ стали
Англичанинъ и французъ;
Какъ, забывши предковъ доблесть,

Сочетали Крестъ съ Луной,
И, поправши честь и совѣсть,
На Христа пошли войной....
И увѣдаютъ потомки,
Что насыпанный курганъ
Есть стыда свидѣтель громкій
Лжеименныхъ христіанъ....
И, отринувши сомнѣнье,
Станутъ вѣру почитать,
Проклянутъ лжепросвѣщенье,
Какъ антихриста печать....

Смолкло эхо боевое,
Дымъ исчезъ пороховой;
Жертвы яростнаго боя
Ужь сокрыты подъ землей

1854 года.

СЭРУ НЕПИРУ.

Ну, Карлуша, не робѣй,
Подходи къ Кронштадту!
Стыдно жь все ловить сельдей
Этакому ѳату.

Аль, голубчикъ, голова
Тяжела съ похмѣлья,
Что волочишься едва
Ты на новосельѣ?

Пустяки, пожалуй къ намъ —
Торная дорожка;
Завсегда мы рады вамъ,
Охмѣлимъ немножко.

Въ Севастополь не ходи,
Толку мало будетъ,
Тамъ Нахимовъ впереди
Васъ, какъ рыбокъ, удитъ.

Онъ сердитъ теперь на всѣхъ,
Плохо съ нимъ вязаться;
Отъ Синопа, какъ на смѣхъ,
Не съ кѣмъ и подраться.

Твой, Карлуша, славный ѳлотъ
Съ лодками воюетъ,

Да полтинники беретъ,
Грабитъ да воруетъ.

Сало, деготь жжетъ съ сердцовъ,
Солью промышляетъ,
На десятокъ мужиковъ
Пушки посылаетъ.

Проку, видишь ты и самъ,
Очень мало въ этомъ;
Прогулялъ ты по морямъ
Цѣлое, братъ, лѣто.

Ну, хоть къ осени сберись,
И поди къ Кронштадту,
Да гляди же, отличись,
Какъ прилично фату.

Что жь задумался, герой?
Вѣрно, тутъ не шутки.
Ты не зналъ, голубчикъ мой,
Русской прибаутки;

А нельзя и разсказать,
Какъ она тутъ кстати:
Не хвались, идя на рать,
А идучи съ *оной*....

1854 года.

КІЕВУ.

Что ты, старецъ, снаряжаешься
Въ златокованный шеломъ?
Не гостей ли дожидаешься
Въ позолоченый твой домъ?

Не по лѣтамъ торопливою
Ходишь поступью, старикъ,
И заботой хлопотливою
Омраченъ твой свѣтлый ликъ.

Опершись рукою мощною
На булатное копье,
Вдаль глядишь ты полуночную,
Будто ждешь къ себѣ ее.

Аль почуялъ бурю бранную
Богатырскою душой,
Что́ летитъ на Православную
Съ темна запада грозой?

Видно, въ зависть стало старому
Внуковъ позднихъ торжество,
Закипѣло, по бывалому,
Въ старомъ сердцѣ удальство.

Что же, съ Богомъ, старый дѣдушка,
Мы дадимъ тебѣ почетъ;

Закипитъ у насъ бесѣдушка
На крещеный весь народъ.

Выходи жь на пиръ съ отвагою,
Сбрось полтысячи съ костей;
Запасайся пивомъ-брагою,
Будемъ потчивать гостей.

У тебя ли въ годы старые
Пиво славное велось,
У тебя ль оно въ бывалые
Черезъ край всегда лилось.

Кто, бывало, ни прикушаетъ,
И повалится какъ снопъ,
И лежитъ себѣ, да слушаетъ
Какъ трава въ землѣ ростетъ.

Со Христомъ же, старый дѣдушка!
Выступай-ка напередъ!
Закипитъ у насъ бесѣдушка
На крещеный весь народъ!...

1854 года.

ВЕЛИКІЙ ВОПРОСЪ.

Быть битвѣ великой! Быть страшнымъ бѣдамъ!
Весь міръ взволновался, и въ трепетѣ самъ,
Подъемля съ оружіемъ руку несмѣло,
Томится вопросомъ: «чѣмъ кончится дѣло?»
Не царство на царство уже поднялось,
А Западъ съ Востокомъ рѣшаютъ вопросъ, —
Вопросъ многовѣчный пронырства людскаго,
Сложившійся въ нѣдрахъ закона святаго.

Провидя тревоги и бури страстей,
Изрекъ нашъ Спаситель предъ смертью Своей:
«Не миръ водворить пришелъ Я на землю,
«А брата на брата съ мечомъ Я подъемлю,
«И царствій вселенной мятежныхъ сыновъ
«Прольется рѣкою горячая кровь.»

И Западъ, завидуя славѣ Востока,
Забылъ предвѣщанье Мессіи-Пророка:
Единства святаго отступникомъ сталъ
И смертнаго богомъ безбожно назвалъ....
И всталъ этотъ богъ съ мечомъ разрушенья,
И гордыя міру давалъ онъ велѣнья,
И все встрепетало тогда передъ нимъ,
И снова явился языческій Римъ....
Во имя Христово костры запылали,

И въ пыткахъ невинныя жертвы стонали;
Съ стыдомъ, съ посрамленьемъ, лишенные славы,
Шли къ туфлѣ лже-бога вѣнчанныя главы,
И падали къ трону тіары тройной,
Облитыя кровью и жалкой слезой....

Межъ тѣмъ на Востокѣ посланники ада
Стремились ордами къ стѣнамъ Цареграда,
И новое диво увидѣлъ Востокъ:
Въ поддержку лже-богу возсталъ лже-пророкъ....
И пали твердыни предъ нимъ Византіи,
Поникъ предъ Луною Крестъ славной Софіи;
И дрогнуло гордое сердце лже-бога:
Не думалъ узрѣть онъ въ лицѣ лже-пророка
Соперника силѣ и власти своей....
И тысячи поднялъ онъ жадныхъ мечей,
И властно послалъ ихъ на пиръ на кровавый,
Лаская блаженствомъ и вѣчною славой.
«Такъ Богу угодно!» вопилъ онъ имъ вслѣдъ,
И дрогнулъ въ испугѣ пророкъ Магометъ....

Но Божіей воли знать не было въ дѣлѣ,
Гдѣ страсти людскія, какъ волны, кипѣли....
Увлажились кровью луга и поля,
Костьми побѣлѣла святая земля;
А дивный градъ Божій остался въ плѣненьи,
И мѣсто святое досель въ запустѣньи....
И стражъ Византіи, орелъ двоеглавый,
Съ остатками вѣры и дѣдовской славы,
Надъ жалкой руиной парить не хотѣлъ,
И въ край полунощный тогда улетѣлъ.

Вѣка проходили. Тіара съ Луной,
Какою-то дивной и тайной судьбой,

Вражду вѣковую какъ будто забыли,
И странное дѣло предъ міромъ явили.
Одинъ на Востокѣ губилъ христіанъ,
Давая имъ силой чалму и коранъ;
Другой двигалъ Западъ; монаховъ ордами,
Ученіемъ льстивымъ и злобы сѣтями
Міръ цѣлый опутать онъ дерзко желалъ,
И кровь православныхъ рѣкой проливалъ.
Одинъ шелъ съ кораномъ, огнемъ и мечемъ;
Другой, съ езуитомъ и Божьимъ крестомъ,
Несъ смуты и гибель въ спокойныя страны,
И далъ христіанству тяжелыя раны, —
И ранъ тѣхъ нельзя ужь ничѣмъ исцѣлить,
И Крестъ вопрошаетъ: «быть или не быть?»

«Быть!» мы отвѣчаемъ, крестомъ осѣняясь,
И къ битвѣ великой за Крестъ ополчаясь....
И вѣримъ мы твердо, душой непреклонной,
Что въ битвѣ великой, святой и законной,
За домъ Пресвятыя, за вѣру въ Христа,
Пошлется намъ помощь тогда отъ Креста....

1854 года.

ПЛАЧЪ

НА КОНЧИНУ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

«И Тебя мы проводили,
«И тебя мы схоронили,
«Вождь вождей, царей диктаторъ,
«Нашъ великій Императоръ,
«Міра свѣтлая звѣзда,
«И Твоя пришла чреда!...

Мы не думали, не ждали,
Приготовившись къ борьбѣ,
Слышать въ горѣ и печали
Память вѣчную Тебѣ.

Съ вѣрой въ Бога всеблагаго,
Не считали мы враговъ,
И молили Трисвятаго,
Чтобы Ты лишь былъ здоровъ.

Царь великій, незабвенный,
Батюшка Ты нашъ родной!
Передъ цѣлою вселенной
Охранялъ Ты нашъ покой!

Что жь, родной нашъ, не дождался
Благодарности отъ насъ?

Что жь Ты рано такъ собрался
Въ путь далекій въ этотъ часъ?

Погляди, на насъ злодѣи
Поднялись со всѣхъ сторонъ:
Али больше лиходѣи
Не тревожатъ Твой ужь сонъ?

Ты жь не спалъ, когда мы спали,
Ты же бодрствовалъ за насъ:
Аль ужь мы чужіе стали
Для Тебя въ сей горькій часъ?

Погляди, — мы всѣ рыдаемъ
И тоскуемъ за Тобой,
Царскій гробъ Твой обливаемъ
Неподкупною слезой...

Боже вѣчный! Не дерзаемъ
Проникать въ Твои судьбы,
И смиренно изливаемъ
Сокрушенныя мольбы.

Въ Царской облеченъ порфирѣ,
Онъ не зналъ, что есть покой, —
Хоть ужь въ томъ Его Ты мірѣ
Со святыми упокой!...

1855 года.
26 Февраля.

ПОЛЯКАМЪ ЛЖЕ-ПАТРІОТАМЪ.

Молчать, подпольные сверчки,
Крамольные лже-патріоты!
Еще ли русскіе щелчки
Не отняли у васъ охоты
О буйной вольности мечтать?
Ужель пора вамъ не приспѣла
Уняться и не напѣвать,
Что «ѐще Pòльска не згинела?»

Извѣдала святая Русь
Вашъ гоноръ, ваши обѣщанья
Вы говорили намъ: клянусь,
А въ сердцѣ крыли зложеланья.
Узнали мы уже давно
Шумливыхъ вашихъ патріотовъ, —
Всѣмъ имъ названіе одно:
Предателей-искаріотовъ!
Продать за золото Христа,
Надѣть чалму для лжепророка,
Отречься подло отъ креста —
Имъ ни по чемъ, сынамъ порока!
Не благо и не тишина
Дѣлами ихъ отчизны правитъ;

Безсильной злобою полна,
Душа преступная лукавитъ,
На пиръ кровавый ихъ зоветъ,
Мутитъ безпутные народы,
И пѣсню дикую поетъ
Разнузданности, не свободы!
Припомните, чѣмъ кончилъ Бемъ
Свои преступныя затѣи?
На срамъ, на удивленье всѣмъ,
Снялъ крестъ святой съ своей онъ шеи,
Попралъ его въ своихъ ногахъ,
Обвилъ главу свою чалмою,
И въ магометовыхъ рядахъ
Явился ренегатъ-пашою.
А вашъ Лангевичъ, а Чайковскій —
Друзья невѣрныхъ мусульманъ,
Враги религіи отцовской
И разорители славянъ!...
И вотъ вамъ чистая любовь
Къ отчизнѣ, къ вѣрѣ угнетенной!
Вашъ патріотъ — въ средѣ враговъ,
Чалма — вѣнецъ его достойный!

Но, злобою увлечены,
Вы не хотите свѣта видѣть,
И, матери одной сыны,
Единокровныхъ ненавидѣть
Вы продолжаете досель.
У васъ въ рукахъ ножи, кинжалы,
У васъ одна лишь только цѣль:
Убійства, грабежи, пожары!...
Чего жь хотите вы отъ насъ?
Побратски дали мы вамъ руку,
Какъ братьевъ, обласкали васъ,

Забыли тяжкую науку
Минувшихъ горестныхъ временъ.
Облитыхъ чистой нашей кровью.
Свидѣтели кровавыхъ сценъ,
Мы заплатили вамъ любовью
За оскорбленіе Кремля,
За нечестивые союзы,
Ото коихъ русская земля
Носила тягостные узы.
Незлобно мы простили вамъ
Безумное остервененье,
Когда вы царственнымъ стѣнамъ
Грозили полнымъ разрушеньемъ;
Когда вы, бѣшенства полны,
Во святомъ Кремлѣ насъ проклинали,
И, кровію обагрены,
Господни храмы оскверняли....
Но вразумило-ль это васъ?
Духъ ненавистный, духъ крамольный
Васъ поднялъ сызнова на насъ....
Но предъ толпою своевольной
Блеснулъ нашъ грозный русскій штыкъ,
И, осіянъ привычной славой,
Подъ русскій громоносный кликъ,
Взлетѣлъ орелъ нашъ двоеглавый
Надъ покоренною Варшавой....

Свершилось! Польши уже нѣтъ,
Той Польши буйной, безпокойной,
И не возставитъ цѣлый свѣтъ
Ее рукою беззаконной!

Довольно!.. нашъ покончeнъ счетъ!
Давайте жь руку, руку, братья!

Мы вѣдь одинъ славянскій родъ, —
Скорѣй же въ братскія объятья!
Покончимъ вѣковѣчный споръ,
И да изчезнутъ между нами,
Единой матери сынами,
Вражда, смятенье и раздоръ!...

1863 года.

ПО ПРОЧТЕНІИ ВЫСОЧАЙШАГО РЕСКРИПТА

графу Михаилу Николаевичу Муравьеву.

Благодаримъ тебя, архистратигъ Россіи,
За всѣ твои труды, за благи вѣковыя,
Какими надѣлилъ ты бѣдную страну,
Такъ долго бывшую въ томительномъ плѣну!
Забитая нуждой, запуганная панствомъ,
Она дрожала вся предъ чужеземнымъ чванствомъ,
И позабыла ужь достоинство свое.
Послалъ тебя Господь, — и поднялъ ты ее,
И Бѣлоруссія, томимая три вѣка,
Познала, наконецъ, названье человѣка.
Изъ праха поднялъ ты, на поученье намъ,
Забросанный сметьемъ и посрамленный храмъ
Издревле царившей тамъ Вѣры православной;
И, направляемый Десницею Державной,
Всѣмъ мѣсто указалъ: законному жильцу,
И преступившему порогъ нашъ пришлецу.
Измѣну и мятежъ сразивъ рукою сильной,
Ты *Вильно* называть намъ заповѣдалъ «Вильной,»
И русскую семью на почвѣ родовой
Поставилъ ты стоять ужь твердою ногой.
Въ годину тяжкаго Россіи искушенья,
Отвсюду понеслись къ тебѣ благословенья,

И русскій человѣкъ названье *Михаилъ*,
Крестясь предъ образомъ, съ любовію твердилъ.

Что нужды, что въ тебя бросали издали
Злословья камнями изверженцы земли, —
Земли, отринувшей ихъ гнусныя затѣи!
Вѣдь змѣи всѣ шипятъ, — на то они и змѣи...
Тебя Самъ Государь достойно оцѣнилъ,
И царской милостью богато наградилъ.
Тебѣ привѣты шлетъ и бьетъ челомъ Россія
За всѣ твои труды, за подвиги святые,
И ими славное изъ рода въ дальній родъ
Она съ молитвою усердной пронесетъ.

1865 года
25 апрѣля.

НА ВСТРѢЧУ!

(29 Апрѣля 1865 года).

Вставай, народъ! Иди на встрѣчу
Тому, кого ты потерялъ,
Кого такъ долго издалеча
Къ себѣ напрасно ожидалъ!

Не въ шумныхъ кликахъ ликованья,
Не словомъ радости встрѣчай,
А стономъ горькаго рыданья
Ты царской скорби отвѣчай.

То будетъ въѣздъ не тріумфальный,
Не торжествующій какой,
А поѣздъ тихій, погребальный
Между молящейся толпой.

Увидишь гробъ; въ томъ гробѣ будетъ
Твоихъ всѣхъ радостей вѣнецъ,
И много думъ въ тебѣ пробудитъ
Усопшій Царственный Птенецъ.

Припомнишь ты всѣ упованья,
Свои надежды на него,
Свои недавнія желанья
И трепетъ сердца своего.

Припомнишь ты, какъ онъ — избранный
Наслѣдникъ русскаго Царя,
Весь Божьей славой осіянный,
Свѣтилъ, какъ утрення заря.

Припомнишь, какъ его встрѣчали
Въ далекихъ сѣвера краяхъ,
Какъ искренно благословляли
Съ слезами радости въ очахъ...

И рядъ твоихъ воспоминаній
Прервется вдругъ передъ тобой,
Когда услышишь, средь стенаній,
Ты *со святыми упокой.*

О, плачь тогда ты всей душою
И шли моленья къ небесамъ,
Да воцаритъ Его съ Собою
Господь и Богъ на вѣки тамъ....

Да дастъ и Имъ Онъ утѣшенье,
Кто въ этой скорби изъ скорбей
Признали волю Провидѣнья
И кротко покорились ей.

Да въ вѣкъ живетъ, не угасая,
Изъ вѣрноподданныхъ ни въ комъ
Святое имя Николая
И память вѣчная о Немъ...

ПО ПРОЧТЕНІИ ВЫСОЧАЙШАГО РЕСКРИПТА,

данняго 25 мая 1865 года на имя С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта, князя Италійскаго, графа Александра Аркадіевича Суворова-Рымникскаго.

Что, Батюшка, что, нашъ Родной, —
Благодаришь ты насъ, — за что же?
За толь, что стали мы виной
Твоей потери?... Боже, Боже!
На насъ бы гнѣву Твоему
Излиться въ праведномъ прещеньи,
Намъ бы страдать, а не Ему,
Намъ бы за наши прегрѣшенья!...

Предъ вышней волею Творца
Смирясь покорною душою,
Въ лучахъ терноваго вѣнца,
Онъ преклонился предъ Тобою,
И лишь съ Тобою говорилъ
Про лютое свое несчастье;
А насъ... Онъ насъ благодарилъ
За скромное къ Нему участье...

Да что жь мы сдѣлали ему?
Молились-то? Но не молиться
Нельзя же было никому,

Въ комъ сердце не престало биться.
Иль плакали? Но нашихъ слезъ,
Хотя бъ онѣ лились рѣкою,
Сравнить ли съ тѣмъ, что перенесъ
Онъ царственной Своей душою?...

О, батюшка Ты нашъ редной!
И въ скорби-то невыразимой
Надъ опечаленной толпой
Носился мыслью Ты, Родимый!...

Соединимся жь въ общій ликъ,
Въ молитвахъ къ Богу припадая,
И впишемъ всѣ въ свой синодикъ
Святое имя Николая!...

ПО ПРОЧТЕНІИ ВЫСОЧАЙШАГО МАНИФЕСТА

(20 іюля 1865 года).

Царь несравненный, Царь родной!
Легко ль Тебѣ, Отецъ нашъ, было
Стать предъ священный аналой
Съ тоской въ душѣ о сынѣ миломъ?...

Наслѣдникъ Твой стоялъ съ Тобой:
Для насъ онъ первый, какъ и прежній;
А для Тебя Онъ все второй,
Хоть тоже милый сынъ и нѣжный.

Но, волѣ Божьей покорясь,
Ты царственной Своей душою,
Молился, царственно смирясь
Передъ верховною судьбою,

Чтобы Господь послалъ Ему,
Избраннику Всевышней воли,
Второму Сыну Твоему,
Стократъ счастливѣйшую долю;

Чтобъ Самъ Его руководилъ
Въ наукѣ трудной управленья,
И далъ Ему ума и силъ
Сдержать опасныя стремленья

Отъ Запада грозой на насъ
Стремглавъ несущагося вѣка,

И убивающаго въ насъ
Святое имя человѣка....

Ты твердъ былъ царственной душой;
Ты не казалъ пустому міру
Мольбы, катившейся слезой
На царскую Твою порфиру:

А мы такъ плакали, молясь,
Чтобы Наслѣдникъ Твой державный,
Съ Своимъ народомъ съединясь,
Главою былъ его вѣнчанной.

Мы не скрывали слезъ своихъ,
И сладки были слезы эти,
И горячо мы лили ихъ,
Какъ за отца роднаго дѣти.

И вѣрилось, что Богъ пошлетъ
Царю-Отцу въ Немъ утѣшенье,
Что Самъ къ Нему Онъ снизойдетъ
Въ святомъ Своемъ благоволеньи;

Что не исчезнутъ никогда
Ни слезы, ни молитвы эти,
Что съ нами будутъ навсегда
И Первый и Второй и Третій.

УЖАСНОЕ ОТКРЫТІЕ.

(В. П. Р — ской).

Вы ждали отъ меня стиховъ
Въ послѣднемъ нумерѣ журнала:
Но что же дѣлать, если словъ
У насъ тогда не доставало?
Какъ громъ, насъ всѣхъ до одного
Сразила вѣсть о преступленьи....
Намъ было ужь не до того:
Мы съ мыслью о Его спасеньи,
Стоя въ безмолвіи нѣмомъ,
Молились трепетной душою.
И говорили все о Немъ,
Спасенномъ Вышнею судьбою.

Вопросъ: кто, умыселъ тая,
Передъ народомъ возрожденнымъ,
Возсталъ на нашего Царя —
Остался намъ неразрѣшеннымъ:
Полякъ ли то, иль нигилистъ,
Питомецъ западной науки,
Иль сумазбродный утопистъ,
Преступный замыселъ тая,
Цареубійственныя руки
Поднялъ на русскаго Царя.

«Нѣтъ, онъ не русскій, — нѣтъ, никакъ!
Въ одинъ мы повторяемъ голосъ:
Онъ иностранецъ, иль полякъ;
Въ немъ русскаго нѣтъ ни на волосъ!...»

И что жь открылось? Боже мой!
Злодѣй родился между нами
И вскормленъ русскою землей....
Что онъ былъ межь ея сынами,
Избраннѣйшими отъ сыновъ,
Недавно бывшими порукой
За милліоны мужиковъ;
Что честной, русскою наукой....
Да полно, русскою ль?... У насъ
Наука вся идетъ отъ Бога;
На всякій день, на всякій часъ
Безъ Бога мы ни до порога.
А въ той наукѣ, что дала
Намъ въ русскомъ изверга, злодѣя,
Предъ коимъ самъ начальникъ зла
Стоялъ, отъ ужаса блѣднѣя, —
Что общаго въ наукѣ той
Съ наукой нашей христіанской?
Чего и ждать Руси святой
Отъ прозелитки басурманской?
Она пришла къ намъ не одна,
А съ спутниками утопіи,
И загулялъ съ ней сатана
По всѣмъ удоліямъ Россіи....
Прогресса смрадъ, соціализмъ,
Всю изгарь западной науки,
Безбожье, пошлый нигилизмъ
Онъ русскимъ юношамъ далъ въ руки,
И завопилъ: «впередъ, впередъ!

За мной идите, дѣти, смѣло!
Никто пускай не отстаетъ,
И сдѣлаемъ тогда мы дѣло!»

Ну, вотъ и сдѣлали! Съ своимъ
Вожатымъ доползли до ада,
И ждетъ теперь ихъ вмѣстѣ съ нимъ
Достойная ихъ дѣлъ награда...

13 апрѣля
1866 г.

НАРОДНЫЙ ПРИВѢТЪ

ВЫСОКОНАРЕЧЕННОЙ НЕВѢСТѢ АВГУСТѢЙШАГО НАСЛѢДНИКА ВСЕРОССІЙСКАГО ПРЕСТОЛА.

Здравствуй; Гостья дорогая,
Наша ясная заря,
Нареченная Родная
Православнаго Царя!

Тучка горя и печали
Пронеслась и надъ Тобой:
Но печали миновали,
И не быть ужь имъ въ другой.

За Тебя тутъ милліоны
Станутъ Вышняго молить,
И не могутъ эти стоны
Неуслышанными быть.

Отъ престола и до хаты,
Всѣмъ Ты стала дорогой;
И чѣмъ изстари богаты —
Все дадимъ тебѣ — родной!

А богаты мы любовью
Да усердіемъ къ Царямъ,
Да огнемъ кипучей кровью
На погибель ихъ врагамъ.

Погляди-ка, на просторѣ
Сколько мечется людей!
Это что! — лишь капля въ морѣ!
Столько ль насъ въ Россіи всей?!...

«Широка она, родная,
«Ростомъ міру по плечо;
«Вся одежда ледяная,
«Только сердце горячо...

И несетъ тебѣ, Царевна,
Въ подаренье Русь себя,
Безконечно, неизмѣнно
Полюбившая тебя!...

17 сентября
1866 года.

ВѢРНОПОДДАННИЧЕСКІЙ ПРИВѢТЪ

ВЪ ДЕНЬ СВ. МѴРОПОМАЗАНІЯ ЕЯ КОРОЛЕВСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

МАРІИ-СОФІИ-ФРЕДЕРИКИ-ДАГМАРЪ,

ПРИНЦЕССЫ ДАТСКОЙ.

Привѣтствуемъ тебя, родная,
Вступленьемъ въ православный храмъ!
«Моя ты! — скажетъ Русь святая,
И никому я не отдамъ
Моей Царевны!.. Да, я съ Нею,
Предъ благодѣтелемъ моимъ,
Слилася всей душой моею
Мѵропомазаньемъ святымъ.
Печатью Вѣры православной
Она уже запечатлѣна,
И Матерью своей Державной
Къ причастію подведена....»

Свершилось! Между Ней и нами
Нѣтъ раздѣленія ни въ чемъ!
Мѵропомазаньемъ мы сами
Вступили въ православный Домъ,
Тотъ чудный Домъ, богохранимый,
Гдѣ Дивный во святыхъ Своихъ,
Отъ русскихъ православно чтимый,

Моленьямъ теплымъ внемлетъ ихъ...
И въ сотняхъ тысячъ Божьихъ храмовъ
Царевны имя зазвучитъ,
И дымъ кадильныхъ ѳиміамовъ
Къ престолу Божью полетитъ,
И надъ ея святой главою,
И на молящійся народъ,
Животворящею росою,
Онъ благодатно упадетъ.

СЛАВЯНСКАЯ ДУМА.

Гляжу я на тебя съ тоской,
Славянъ разрозненное племя,
И думу думаю съ собой:
Когда же это было время,
Что родъ славянскій былъ одинъ,
Не знавшій чуждаго давленья,
Безъ пагубнаго раздѣленья
И полновластный господинъ?
Какъ сталось то, что смѣлый Чехъ
Отдался нѣмцу головою,
И, міру цѣлому на смѣхъ,
Снялъ шапку Сербъ передъ чалмою?
Какъ стерлась главная черта
Въ обличьи свѣтломъ славянина?
И отъ чего уже не та
У всѣхъ церковная святыня?...
Тотъ папѣ отдаетъ поклонъ,
Тотъ держитъ Лютера вульгату,
И на молитвѣ Божьей онъ
Взглянуть не смѣетъ въ очи брату...
Вѣдь прежде-жь дружно всѣ мы шли;
Одна у насъ была дорога,
Одни апостолы вели
Насъ къ свѣту истиннаго Бога;

Для всѣхъ Меѳодій и Кириллъ
Живой родникъ пробили Вѣры,
Тотъ и другой собой явилъ
Намъ *благочестія* (*) примѣры:
Какою жь лютою судьбой
Отецъ отторгнутъ былъ отъ сына,
И отчуждился братъ родной
Тогда отъ брата-славянина?

Не политическій раздѣлъ
Прервалъ межь нами единенье:
Намъ въ этомъ дѣлѣ подрадѣлъ
Онъ самъ — исконный врагъ спасенья.
Онъ зналъ, что кто не Церкви сынъ
Святой, единой, православной,
Тотъ въ половину славянинъ
И равному не будетъ равный.
Онъ зналъ, что вѣрою святой
Крѣпится сердце человѣка,
И что разладомъ въ ней одной
Посѣется вражда до вѣка.
И цѣли онъ своей достигъ:
Въ средѣ славянъ съ тоской мы видимъ
По вѣрѣ намъ уже чужихъ;
И хоть ихъ словомъ не обидимъ,
Но сердце къ нимъ не такъ ужь льнетъ,
Какъ льнетъ оно къ семьѣ славянской,
Сберегшей посреди невзгодъ
Духъ православно-христіанскій.
Среди рѣчей неподкупныхъ

(*) На языкѣ нѣкоторыхъ славянъ, подъ словомъ *благочестіе* разумѣется *православіе*. Это можно видѣть и изъ возглашенія діакона на литургіи: «Господи, спаси *благочестивыя*».

И кликовъ братскаго угара.
Все чудится отступство ихъ
И трехъ-этажная тіара.

Такъ вотъ въ чемъ рознь у насъ, славянъ!
Вотъ что отъ насъ уединило
Насельниковъ далекихъ странъ,
Дѣтей Меѳодья и Кирилла!

Долой же, братья, съ плечь долой
На васъ наложенное иго!
И путеводною звѣздой
Да будетъ Православья книга
И Галичанамъ — бѣдакамъ,
Моравамъ, Чехамъ и Далматамъ,
И Сербамъ, славнымъ воякамъ,
И неуступчивымъ Хорватамъ!.,

12 Мая
1867 года.

ПОЖАРЫ.

«Предъ стихійной вражьей силой
»Молча, руки опустя,
«Человѣкъ стоитъ уныло,
«Безпомощное дитя».

Такъ сказалъ неосторожно
Православный нашъ поэтъ: (*)
Но сказать такъ было-бъ можно
Лишь тому, въ комъ вѣры нѣтъ.

Въ чемъ онъ видитъ *вражью силу?*
Въ томъ ли, что лѣса горятъ,
Что широкую могилу
Обожженныхъ елей рядъ

Мрачно людямъ указуетъ,
Что огнемъ ужь все сожгло,
И что впереди вѣщуетъ
Неизбѣжное намъ зло?...

А забылъ онъ, что въ Писаньи
О пожарахъ говорятъ:
Это Божье наказанье!
Отъ Его лица горятъ

Беззащитныя деревни,
Города, сады, поля

(*) Ѳ. Тютчевъ. Газета: «Русскій» 1868 г. № 16.

Терема и замки древни
И изсохшая земля.

«Согрѣшилъ еси въ кумирахъ
Ихже сотворилъ себѣ;
Въ ветхихъ рубищахъ, въ порфирахъ —
Все нечисто у тебя!

«Матери, отцу почтенья
Дѣти ужь не воздаютъ,
Въ стогнахъ града развращенье
И неправеденъ твой судъ!

«Уреченныя субботы,
Дни покоя и молитвъ,
Ты проводишь средь работы
И корыстливыхъ ловитвъ.

«Вотъ же Я тебя, лукавый,
Непокоривый народъ!
Запалю твои дубравы
И разсыплю твой оплотъ!

«Напущу на все живое
Непроглядную я тьму,
Встанетъ море огневое
И задохнешься въ дыму».

Такъ Господь черезъ пророка
Міру грѣшному изрекъ,
Но не видитъ въ томъ урока
Современный человѣкъ...

Іюля 28.
1868 года.

НИГИЛИСТУ (*).

За что сердишься ты, косматый нигилистъ?
За то ли, что поэтъ сказалъ, что ты безуменъ?
Что даже сиплый нашъ литературный свистъ
Параденъ для тебя и черезчуръ ужь шуменъ?
Чтожь тутъ невѣрнаго? Какъ быть въ тебѣ уму,
Когда сѣдалище ума ты отрицаешь?
Когда животныхъ жизнь ты предпочелъ всему,
Когда и Бога ты нахально отвергаешь?
Для вашей братіи есть сумасшедшихъ домъ,
Колпакъ Поприщина да длинная рубаха;
Ржанаго фунта три, стаканъ воды со льдомъ,
Уединеніе, да розга ради страха....

(*) Обидѣвшемуся слѣдующимъ четверостишіемъ кн. Вяземскаго:
Грѣхъ ихъ преслѣдовать упрекомъ или свистомъ:
На нѣтъ нѣтъ и суда, — плодъ дастъ ли пустоцвѣтъ?
Ума въ нихъ нѣтъ, души въ нихъ нѣтъ, —
Тутъ по неволѣ будетъ нигилистомъ.

1863 года.

ЭКСПРОМТЪ (*).

Тяжесть какая-то жить не даетъ,
Вамъ, нигилисты, жалкій народъ!
Умеръ одинъ, застрѣлился другой,
Этотъ во гробѣ одною ногой,
Этотъ исчезъ... И впередъ вы не ждите,
Какъ на досугѣ вы тамъ ни мудрите,
Лучшей вы доли себѣ, господа:
Богъ поругаемъ не былъ никогда!...
Ваши стремленья и начинанья
Съ неба вамъ просятъ грозы — наказанья.
Какъ неизбѣжному Божью бичу,
Уподобляемъ мы вамъ саранчу.
Хлѣбъ и растенья она пожираетъ;
Время проходитъ, — она изчезаетъ.
Такъ-то и васъ, богоборный народъ,
Смерть неожиданно жнетъ да и жнетъ....

(*) По прочтеніи стиховъ г. Н. Курочкина: *Дурныя вѣсти*, напечатанныхъ въ журналѣ «Вѣкъ» 1862 г. Стихи, выставленные курсивомъ, принадлежатъ г. Курочкину.

1862 года.

ПОГРѢШНОСТИ.

На стр. 63, въ баснѣ: *Барсукъ* напечатано:

И безъ картинки какъ-нибудь съ тобою мы продышемъ;

а слѣдуетъ:

И безъ картинки мы авось съ тобой продышемъ.

На стр. 142, ошибочно поставлено заглавіе басни: *Овцы и Волки.*

Должно быть: *Овца и Волки.*

На стр. 147, неправильно озаглавл. басня: *Лисица и голодные Волки.*

Слѣдуетъ: *Лисица и голодный Волкъ.*

Какъ люблю я у камина
Преисполняясь чувствъ святыхъ
Погрустить о несчастныхъ
И помолиться хоть за нихъ.

